

ДЕТЕКТИВНЫЙ
КОКТЕЙЛЬ

Елена ЛОГУНОВА

Подарок всем читателям!
Рецепт фирменного коктейля от автора!

ВЕЗЕТ
КАК РЫЖЕЙ

Елена и Ирка

Елена Логунова

Везет как рыжей

«ЭКСМО»

Логунова Е. И.

Везет как рыжей / Е. И. Логунова — «Эксмо», — (Елена и Ирка)

У тележурналистки Елены выдался еще тот денек! С утра ее сбили автомобилем, потом усыпили хлороформом, похитили, держали взаперти, а затем десантировали с пятого этажа! Оказывается, причиной всех Лениных несчастий был ее любимый кот Тоха. По неизвестным причинам заполучить четвероногого друга пытаются и жители городка, и некий мистер Смит, американский подданный, полковник ВВС. Казалось бы, обычный персидский кот, серебристая шиншилла, сто пятьдесят баксов в базарный день! И все-таки что в нем такого особенного, о чем не знает даже хозяйка?...

© Логунова Е. И.

© Эксмо

Содержание

ВМЕСТО ПРОЛОГА	5
2002 год, Россия, город Екатеринодар	11
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Елена Логунова Везет как рыжей

ВМЕСТО ПРОЛОГА

1968 год, где-то в Америке

Чужая машина увязла в грязи за поворотом, а фамильный рыдван Джонсов нет – но уж в этом-то Сара-Джейн была не виновата! Возможно, она ехала слишком быстро, поздно заметила преграду, загляделась и не успела вовремя затормозить, но потому-то она и каталась по окольным дорогам, что лишь училась водить! А что, спрашивается, понадобилось на грязном проселке этому сверкающему баловню автострад?!

Отстегнув ремень, Сара-Джейн выбралась из машины и с беспокойством оглядела забрызганную грязью «морду» семейного джипа. А, пустяки, ничего страшного! Новая вмятина очень удачно пришлась на ту, которая образовалась на прошлой неделе, когда папа с дядей Биллом, будучи изрядно навеселе, гонялись по полям за кроликом, а догнали старый дуб.

Правда, задний бампер чужой машины смят в гармошку – ох и хлипкие же эти дорогие новинки!

Сара-Джейн презрительно сплюнула. Впрочем, нет худа без добра: одним ударом она вытолкнула их из лужи. Так что пусть еще спасибо скажут, сидеть бы им тут до июля, раньше-то это болото нипочем не высохнет!

Она засмеялась, потом вдруг запоздало встревожилась: чего это они там сидят?

За темными стеклами ничего не было видно. Сара-Джейн обошла чужую машину со всех сторон (чудная-то какая!), подергала дверцы.

– Есть кто живой? – крикнула она.

Зеркальное стекло со стороны водителя с жужжанием поехало вниз.

– Ну, слава богу! – выдохнула Сара-Джейн, подбегая.

Что-то круглое, как воздушный шар, высунулось ей навстречу.

– Да снимите вы свой шлем, – чуть раздраженно сказала Сара-Джейн. – Это что, новая городская мода?

Она не договорила – пришлось посторониться, потому что дверца открылась. Низкорослый тип в смешных одеждах вылез из машины, потоптался неловко и медленно снял шлем.

– Испугались? – посочувствовала Сара-Джейн, отметив нездоровый цвет лица потерпевшего: голубой, как незабудка! – Не волнуйтесь, если вы не можете двигаться своим ходом, я дотащу вас до городка, там починитесь. Извините, что так вышло. Папа заплатит за ремонт.

Незнакомец молча смотрел на нее: глаза у него были синие, яркие, как мигалка полицейской машины. Между тем из автомобиля вылезли еще двое, один другого мельче. Похоже, женщина и ребенок. Все низенькие, а как сняли свои дурацкие шлемы, стало видно, что у каждого за ухом аппаратик вроде тех, для слабослышащих. Глухие карлики! Может, они из цирка сбежали?

Тот, что повыше, промяукал что-то противным голосом – Сара-Джейн не поняла. Тогда он не то за ухом почесал, не то аппаратик свой поправил и снова заговорил:

– Добрый вечер!

– Иностранцы, что ли? – догадалась Сара-Джейн.

Или психи! Надо же – «добрый вечер»! Разбитая машина не в счет?

– Да. Чужеземцы, – радостно закивал их старший. – Родина – Денеб.

– Ясненько, – сказала Сара-Джейн. – У вас трость есть?

– Трос, – озабоченно повторил иностранец.
– Веревка, ремень, что-нибудь в этом роде, – терпеливо пояснила она. – Надо же вас отбуксировать куда-нибудь. Ночь скоро.

– Кров, – глубокомысленно возвестил иностранец. – Пища. Ожидание помощи.

– Можно и подождать, – кивнула Сара-Джейн. – Тогда лучше всего к нам. Папа позвонит в гараж мистеру Филлипсу, тот пришлет механика. А вы у нас переночуете, мама вас ужином накормит... Где трос-то?

Чужаки бестолково переминались с ноги на ногу.

– Посмотрите здесь, – Сара-Джейн хлопнула ладонью по изувеченному багажнику.

Эти трое вздрогнули, залопотали испуганно.

– Там открыть нельзя, смотреть нельзя-нельзя! – очень нервно сказал самый крупный.

– Смотрите там, где лезь, – пожал плечами Сара-Джейн. – То есть я хочу сказать, там, где можно. А еще лучше – там, где он у вас лежит, трос этот.

– Какой вид есть у трос? – спросил крупный.

– У трос вид есть длинный, не слишком тонкий и прочный. Хотя нет, прочный – это не вид. Это качество, – рассудительно ответила она. – Но какое нам дело до его вида? Нам же трос нужен, а не его вид!

Иностранец полез в машину, захлопнув за собой дверцу. Стекло поднялось, потом на палец опустилось, пропустив гибкий кончик.

– Это? – глухо спросил тип изнутри.

Сара-Джейн подозрительно посмотрела на вяло поникшую бледную макаронину и отрицательно покачала головой.

– Это?

Из щели в окошке высунулось что-то похожее на свежий побег, ядовито-зеленый и дурно пахнущий.

– Не думаю, – усомнилась она.

– Это?

– А вот это, пожалуй, годится, – решила Сара-Джейн.

Резиновый шланг, на вид достаточно прочный, пополз из окна, сворачиваясь в бухту у ее ног.

– Довольно? – спросил чужой, выглядывая из окошка.

– Даже много, – пожав плечами, сказала Сара-Джейн. – Вполне хватило бы и пяти метров. Излишек шланга тут же втянулся в машину. Сара-Джейн округлила глаза: во дают!

– Садитесь в машину, – сказала она.

Ну и гостей привезет она на ферму! Держись, мамуля!

– Эмигранты, что ли? – познакомившись с гостями, спросил папа.

– Туристы, – откликнулась мама, нарезаая хлеб. – Уж не знаю, каким ветром их занесло в нашу глушь!

– Может, они природу любят? – вставила Сара-Джейн.

Она на минутку заглянула на кухню, чтобы посмотреть, как идет подготовка к ужину. Мина обиженно надулась: она чистила картошку, пока Сара-Джейн занимала гостей светской беседой.

– Недоумки какие-то, – презрительно фыркнул папа. – Ты видела, как они одеты? Розовый шелк, кружева, бусы, перья – это в наших-то местах! Тоже мне, любители природы!

– Судя по их лицам, отдых на свежем воздухе им не повредит, – миролюбиво сказала мама. – Не ворчи, Бен: они не по собственной воле оказались у нас. Если бы Сара-Джейн не помяла их машину...

– Пожалуй, я пойду к гостям, – предвидя нежелательный для нее поворот беседы, Сара-Джейн предусмотрительно ретировалась.

Иностранцы чинно сидели на диване в гостиной: спины прямые, плечи расправлены, руки сложены на коленях.

– Монументы, – пробормотала Сара-Джейн.

– Добрый вечер! – хором произнесли они при ее появлении.

– Лучше не бывает, – устало сказала она. – В шестой раз здороваемся! Довольно! У нас это делают всего раз в день, запомнили?

– Благодарю, – сказал глава иностранной семьи. – Обычаи. Манеры. Очень интересно. Вы знать – учить!

– Я? – удивилась Сара-Джейн. – У меня с манерами не очень... Ну, что вам сказать?...

Сейчас ужинать будем – пальцами в тарелки не лезьте. Локти на стол не ставьте. Не чавкайте...

– О? – заинтересовалась иностранная мама.

– Не чавкайте. Чав-чав-чав, – показала Сара-Джейн.

– Чафф-чафф-чафф! – радостно повторило чужеземное дитя.

– Молодец, – похвалила Сара-Джейн. – Схватываешь на лету! Больше так не делай.

– Ужин! – пропела ее мама из кухни.

– Пошли, – скомандовала Сара-Джейн гостям, вежливо пропуская их вперед.

Они послушно протопали в столовую. Дитя тихо почавкивало на ходу, спешно заучивая, как делать нельзя.

– Вам, должно быть, привычнее японская кухня, – извиняющимся тоном сказала мама. – У нас еда простая. Вот цыпленок. Картошка. Кукуруза. Салат. Все свежее. Кушайте, пожалуйста.

– Тсы-пленокк, – задумчиво повторил иностранный папа.

– Пожалуйста, – предупредительно сказала Сара-Джейн. – Вам ножку? Или крылышко?

– Тсы-пленокк! – упрямо повторил гость.

– Да дай ты ему этого цыпленка! – не выдержал ее отец.

– Целого? – удивилась Сара-Джейн.

– Может, он голодный! Видишь, какой синюшный?

Мина тихо прыснула.

– Ти-хо! – шикнула на нее мать. – Попробуйте кукурузу, – любезно предложила она гостю.

Сара-Джейн бухнула цыпленка в тарелку иностранца и огляделась: за кем еще поухаживать?

Чужое дитя, совершенно освоившись, лопало оладьи с сиропом, тщетно стараясь не чавкать.

– Пальцы не облизывать! – заговорщицки шепнула ему Сара-Джейн.

Дитя грустно посмотрело на нее, перевело взгляд на Мину и повеселело: та уничтожала оладьи, самозабвенно чавкая и поминутно облизывая пальцы.

– Вон отсюда! – негодуяще прошипела Сара-Джейн невоспитанной младшей сестре.

– Мы пошли! – крикнула Мина, сдергивая с табурета чужое дитя.

Иностранные родители обеспокоенно посмотрели им вслед.

– Не волнуйтесь, – сказала им мама. – Дети прекрасно поиграют. У Мины есть чудесные игрушки.

Папа кашлянул.

– Я насчет машины хотел, – начал он. – Завтра я съезжу в город и привезу механика...

– Помощь? – понимающе спросил гость. – Не надо. Вызвана. Скоро будет.

– Да? Ну, тем лучше, – с явным облегчением сказал отец. – А пока вы у нас погостите.

Воздухом подышите, молочка попьете. Захотите – на рыбалку ходим. Не возражаете?

Гости не возражали.

– Вот и славно, – сказала мама, вставая из-за стола. – А кто поможет мне с посудой?

Получасом позже Сара-Джейн заглянула в кухню: мамы, своя и иностранная, мыли посуду. Странное дело, но чужеземке этот процесс явно нравился.

– Господи, как хорошо! – расслабленно вздохнула ее мать, глядя на быстро растущую стопку чистых тарелок. – Вот бы вы погостили у нас подольше!

Синелица чужая мама молча улыбнулась, не переставая неловко, но старательно полоскать тарелки. В клеенчатом фартуке и резиновых перчатках она уже не казалась такой чужой.

– Я буду! – поспешила она заявить, видя, что мать берет в руки посудное полотенце.

– О, сколько угодно! – радостно сказала мама.

Сара-Джейн недоверчиво покрутила головой, отступила в коридор и там столкнулась с отцом.

– Послушай, дочка, – спросил он, пытаясь спрятать за спиной то, за чем ходил к буфету. – Разве у них в машине есть рация?

– Не знаю, – сказала Сара-Джейн. – Ты почему спрашиваешь?

Папа пожал плечами.

– Он сказал, что уже вызвал помощь, а к нашему телефону не подходил. Вот я и подумал: должно быть, у них в машине есть рация.

– Может быть, – сказала Сара-Джейн. – Я не заглядывала внутрь и не видела, что у них там есть.

Она подумала и поправилась:

– Знаю только, что у них в салоне есть какие-то зеленые растения и целая бухта резинового шланга.

– Это еще зачем? – удивился папа.

– Почему я знаю? – Сара-Джейн еще немного поразмыслила. – Может, он водопроводчик?

Папа не нашелся что ответить, растерянно кашлянул и прошел на веранду.

Сара-Джейн прислушалась: тихо звякнуло стекло, мелодично забулькала жидкость.

– Сигару? – произнес папин голос.

Ну, тут все в порядке. А где эта вредина Мина и мелкая иностранка? Точно, в комнате Сары-Джейн: шепчутся и противно хихикают, склонившись над альбомом семейных фотографий.

– Мина! – строго сказала Сара-Джейн. – А ну, брысь отсюда!

– Посмотри, – невозмутимо предложила Мина, протягивая сестре плотный квадратик. – Это Жу. Она снялась перед самым отъездом.

– Кто это – Жу? – непонятливо спросила Сара-Джейн, разглядывая картинку: зеленоватая меховая зверюга тесно обхватила человечка с голубым лицом – не то обнимает, не то скушать хочет.

– Жу – это она, – нетерпеливо пояснила Мина. – Неужели не узнаешь?

Сара-Джейн подняла глаза с картинки на маленькую иностранку. Точно, она. Во всяком случае, физиономия такая же голубая.

– А рядом кто? Кузен?

– Скажешь тоже! – возмутилась Мина. – Не видишь, это собачка! Или кошечка... Жу называет ее просто «Муф». Этот Муф в дороге потерялся, где именно – я не поняла, но Жу очень хочет его найти. Он у них в семье любимец, Муф этот.

– Муф, – кивнула Жу.

– Ясно тебе? Муф! – повторила Мина, отнимая у Сары-Джейн картинку. – Жу мне на обороте свой адрес напишет. Я ей свой уже дала.

– Ну-ну, – сказала Сара-Джейн. – Подружки! Чтобы через полчаса вашего духу в моей комнате не было!

Через заднюю дверь она вышла в сад. Чужая машина стояла там, сверкая в лунном свете, как начищенное серебро.

Сара-Джейн показалось, что мимо машины, затемнив ее сияние, скользнула тень; она насторожилась, но тут же догадалась, что это может быть: просто мужчины на веранде дымят сигарами. Еще ей почудилось тихое гудение. Сара-Джейн прислушалась, но уловила только умиротворенный голос папы:

– В другой раз приезжайте запросто, – приглашал он.

– Ну вот, – пожала плечами Сара-Джейн. – Похоже, мы будем дружить семьями!

А утром неожиданно выяснилось, что машина гостей в полном порядке.

– Вот это сервис! – уважительно сказал отец.

Он не очень удивился: если у потерпевшего была рация, то у механика вполне мог быть вертолет.

– Скорее, дирижабль, – рассудительно поправила его мама. – Вертолет мы бы услышали.

Сара-Джейн вспомнила, как ночью выходила в сад, и сказала:

– Да нет, ее привидение починило.

– Какое привидение? – с острым любопытством спросила Мина, на минутку переставая горестно всхлипывать.

– Какое, какое, – передразнила ее Сара-Джейн. – Страшное: у-у-у!

Мама укладывала в корзинку провизию на дорогу. Чужой папа стоял рядом, следя за ее действиями с большим одобрением. Сверху мама аккуратно поместила сверток в вошеной бумаге.

– Цыпленок, – заговорщицки сказала она ему.

– Виски, – еще более заговорщицки шепнул отец, передавая гостю непечатую бутылку.

С крыльца доносился отчаянный скрежет: иностранная мама яростно полировала закопченный чугунный котелок. Все другие сколько-нибудь нуждающиеся в чистке металлические предметы она уже надраила, но с котелком не успевала, и оттого была немного печальна.

– Возьмите его себе, – великодушно предложила мать. – Дома будете чистить и вспоминать нас.

Чужая мама солнечно улыбнулась.

Чуть поодаль, обнявшись, дуэтом рыдали Мина и Жу.

– Хватит реветь, – одернула сестру Сара-Джейн. – Людям уже ехать пора!

Гости забрались в свою машину (чужая мама нежно прижимала к груди котелок), и ослепительно сверкающий автомобиль тронулся, поехал. Но еще прежде, чем он вывернул с подъездной дорожки на проселок, стекло в правом заднем окошке скользнуло вниз, и в проем высунулась зареванная бирюзовая мордочка Жу.

– Чафф-чафф-чафф! – в отчаянии выкрикнуло чужеземное дитя.

Мина громко взвыла и уткнулась мокрой физиономией в плечо невозмутимой Сары-Джейн.

– Вот глупости какие, – с досадой сказала старшая сестра. – Ты куда ее провожаешь – на край Вселенной?

На другой день Сара-Джейн сидела на кухне, рассеянно наблюдая, как мама готовит тесто для сладкого пирога, потихоньку поклевывая предназначенные для начинки миндаль и изюм. Мама вполголоса напевала какую-то песенку, необыкновенно фальшивя и весьма талантливо перевирая слова. Заглушая ее, Сара-Джейн сделала погромче радио. Сначала там тоже пели, и довольно пронзительно, потом начался очередной выпуск новостей. Говорили не то о каком-то болиде, не то об атмосферной аномалии – комментатор, кажется, сам ничего не понимал.

– Ма, – сказала Сара-Джейн, выключая приемник. – Посмотри, по-моему, начинки маловато!

Мать рассеянно глянула на опустевшую миску и кивнула:

– Изюм в бумажном пакете на полке в шкафчике. Миндаль в кладовой.

Сара-Джейн скорчила недовольную гримаску, нехотя встала и пошла в кладовку.

На обратном пути она мельком глянула в окно и увидела сворачивающий к дому незнакомый автомобиль – черный, очень солидного вида. Из него выбрался мужчина в строгом костюме. Сара-Джейн посмотрела в другое окно и увидела в саду Мину в веселой компании кошки Долли и крупного лохматого кота. Кот был чужой, но смутно знакомый.

– Ма, к нам гости, – сообщила Сара-Джейн, входя в кухню.

– Ставь кофейник, – незамедлительно распорядилась та. – Пирог будет готов через полчаса.

Сара-Джейн по пояс высунулась в кухонное окно и закричала сестре:

– Эй, Мина! Что это за зверь там с вами?

Мина оглянулась, чужой кот тоже.

– Какие у него чудесные глаза, – восхищенно сказала мама, выглядывая из-за плеча Сары-Джейн. – Такие ярко-синие! А шерсть, по-моему, с прозеленью – или это отсвет от кустов? Интересно, что это за порода?

– Муф, – точно отвечая на вопрос, громко произнес странный кот с умными синими глазами. – Муф хаф хаффиха муффер! Му-хифф?

– Надо же, какой разговорчивый! – восхитилась мама.

Кошка Долли нежно мяукнула.

– Это же Муф, – закричала Мина. – Помните, с фотографии? Тот самый Муф, которого Жу потеряла. Он нашелся!

– Вот и чудненько, – сказала мать, возвращаясь к плите.

В парадную дверь постучали.

– Я открою! – Сара-Джейн метнулась в гостиную и впустила в дом незнакомца в костюме.

– Здравствуйте! – вежливо произнес он, выглядываясь. – Простите, юная леди, но нет ли дома кого-нибудь из взрослых?

– Ма! – закричала Сара-Джейн и вышла в сад, оставив гостя потерянно топтаться на пороге: ишь, взрослых ему подавай! А она, значит, в свои четырнадцать недостаточно взрослая?

– Может быть, у них с Долли котятки будут, – показав на кошку и Муфа, заговорщицки сообщила Мина старшей сестре.

– Вот и славно, – рассеянно проговорила Сара-Джейн, перегибаясь через подоконник кухни, чтобы вытащить миску с начинкой.

Она бросила в рот орешек, прожевала и прислушалась к доносящимся из гостиной голосам: мама беседовала с мистером Смитом.

– Нет, мы не видели никаких метеоритов, – слегка раздраженно, а потому громко отвечала мама на глупые вопросы гостя. – Ну что вы, что же может быть необычного в наших местах! Какие-такие аномалии?

Сара-Джейн хмыкнула, посмотрела на сестрицу: маминой любимой щеткой Мина причесывала Муфа, вполголоса пересказывая ему историю своего знакомства с Жу. Кот с редким терпением сносил экзекуцию и время от времени произносил целые предложения на своем странном языке, словно комментируя или отвечая на вопросы.

А вот интересно, кто-нибудь пытался понять, о чем говорят животные? Сара-Джейн потрянула головой, машинально зачерпнула изюма и задумалась. Хм, а ведь интересная задачка!

Пожалуй, для начала следовало бы составить простой словарик...

2002 год, Россия, город Екатеринбург

Весна случилась неудачная: все время было ветрено и холодно, как будто не на Кубани, а в какой-нибудь Скандинавии. Пальто и куртки к концу мая надоели до чертиков, очень хотелось зимние одежды с себя снять и отправить в вечную ссылку на антресоли.

Поразмыслив, я сотворила себе у знакомой модистки обновку под названием «палантин», он же «пончо»: нечто шерстяное, больше всего похожее на просторное черное одеяло с разрезом посередине. Будучи изящно накинутым на высокую стройную фигуру, одеяние смотрелось потрясающе стильно и дивно подчеркивало ноги.

– Это что? – опасливо спросил простодушный Колян, впервые увидев, как я пакуюсь в обнову.

Тоха радостно подпрыгивал у моих ног, пытаюсь ухватить когтями косо свисающий угол полотнища.

– Это пончо, – доброжелательно ответила я, мягко отпихивая разыгравшегося кота: черный шерстяной балахон и белый, тоже натурально шерстяной кот, пребывающий в периоде линьки, сочетаются плохо.

– Пончо, значит. Понятно, – осторожно сказал Колян. – Послушай, а где же у него пуговицы?

– Какие еще пуговицы? – Я начала нервничать. – Где это ты видел на пончо пуговицы?

– Нигде не видел, – согласился Колян, обходя меня кругом. – Но я вообще мало видел пончо.

– Пончо – редкое природное явление в наших широтах, – философски заметила я, пытаюсь забросить край полотнища подальше за спину.

– Помочь? – спросил Колян и, не дожидаясь ответа, потянул за край черного одеяльца.

Я моментально превратилась в кокон.

– Ой! – испуганно воскликнул Колян, оборвав мое возмущенное сопение. – А где рукава?!

– У жилетки! – рявкнула я, разматываясь. – Какие рукава, ты в своем уме? Это же пончо!

– Я понял, понял. Компренде, – сказал Колян, поднимая руки и пяясь. – Это пончо. Буэнос диас, синьорита. А что, шляпы к нему нет? Такой, знаешь, с широкими полями?

О Мадре Диос! Каррамба!

– Шляпы нет! – закричала я. – Шляпа, гитара, текила и кактусы приобретаются отдельно! И не вздумай меня спрашивать, почему нет карманов! Их просто нет – и все тут!

– Какое-то неправильное пончо, – негромко проворчал Колян, отступая от меня в прихожую.

Оттуда раздался короткий мяв, кот выпустил из пасти шнурки кроссовок и влетел в комнату, но я ловко увернулась, уведя пончо от соприкосновения с обильно линяющим персидским зверем. Тоха прогалопировал к стене, развернулся и застыл в полуприсяде, нервно подергивая хвостом.

– Торро! – шепотом подсказал ему из прихожей Колян, показывая пальцем на меня.

Я глянула на него с укором. Потом придирчиво осмотрела себя в зеркало и снова повернулась к мужу:

– Ну? Что скажешь?

– Санчо Пончо, – одобрительно сказал Колян. – В смысле полная каррамба! Ой! Не надо драться! Человек человеку – амиго!

Он обнял меня, не позволяя размахнуться, посмотрел на себя в зеркало и грустно сказал:

– А вот я у нас какой-то беспончовый!

– Но все же больше, чем я, похож на мачо, – заметила я.

Сообщу мимоходом, что у меня роскошный муж: рост сто девяносто пять сантиметров, широкие плечи, узкие бедра, мужественное скуластое лицо, как правило, слегка небритое, густые русые волосы, обычно стянутые в длинный «хвост», и чуть раскосые синие глаза – доказательство того, что монголотатарское иго на Руси было. Вообще-то Колян киевлянин.

– Ты находишь? – Чувствовалось, что супруг польщен.

– Ага!

Я вывернулась из мужних объятий, чмокнула благоверного в колючую щеку и помчалась на работу. Мои часы показывали половину десятого, стало быть, можно не сомневаться, что опоздаю я как минимум на полтора часа. Я не особенно беспокоилась: частенько так опаздываю! Если, конечно, с утра нет съемок или записи в студии.

Возле Нового рынка мне нужно было пересесть с маршрутки на трамвай, перейдя неширокую улицу с довольно оживленным движением. Ни светофора, ни пешеходной «зебры» в этом месте отродясь не бывало, но понимающие водители всегда заранее притормаживали. Встречаются, однако, совершенно ненормальные типы, которым и права-то давать нельзя! Один такой автопсих перепутал тормоз с газом как раз тогда, когда я перебежала ему дорогу. Даже не посигналил мне, уно кретино!

Выскочить из-под колес я успела, но краешек моего чудесного пончо зацепился за правое зеркальце машины, меня сильно рвануло, закрутило, и, не удержавшись на ногах, я шлепнулась на асфальт. Моя красивая обновка, едва успев изобразить собой развевающееся анархистское знамя, тяжелой тряпкой свалилась в лужу у тротуара!

– Что творять, антихристы! Среди бела дня людей давить! – возмущенно плюнув на тротуар, воскликнула какая-то старушка с кошелкой, полной отборного молодого картофеля.

– А разве темной ночью было бы лучше? – сердито возразила я, ощупывая себя на предмет повреждений и с неудовольствием косясь на собирающихся вокруг меня зевак. – Но и впрямь антихрист, я из-за него в грязи извалялась, новый чулок порвала и колена разбила. Про пончо и говорить нечего... А вы, бабушка, почему картошку брали?

– Чулок жалко, он больших денег стоит. А картошечку я по пятнадцать продавать буду. Возьмешь?

Пятнадцать рублей за кило молодой картошечки – вполне гуманная цена! В окружающей толпе началось движение, к старушке потянулись руки с пакетами. Я огляделась, отыскивая безвременно утраченное пончо, выудила его из лужи и задумчиво осмотрела: ладно, воду я выжму, грязь отстираю, а вытянувшийся угол обратно втянется или нет?

– Пропустите, пропустите меня! – Сквозь толпу ко мне энергично пробрался незнакомый мужчина с крайне озабоченной физиономией. Лет сорока, лысоватый, но вполне бодрый, румяный, упитанный. Да и как не быть упитанным, когда он даже на ходу что-то жует!

– Автографов не даю, – нелюбезно предупредила я.

– Куда без очереди? – прикрикнула бабка.

– Да я, бабушка, не к вам, я к девушке, – отмахнулся мужчина объедком шоколадного батончика. – Девушка! Вы в порядке?

– А похоже? – свирепо огрызнулась я, кое-как скручивая экс-пончо на манер шинели-скатки.

– Простите, ради бога! Давайте, я вам помогу. – Незнакомец засуетился вокруг меня: помог подняться, поддержал под локоток, снял с плеча пушинку и замер, глядя на нее с непонятным выражением.

Чего уставился? Я посмотрела: маленький клочок белого пуха, обычный привет от Тохи.

– Эй, что с вами?

Незнакомец очнулся, бросил в рот остатки шоколадки и решительно потянул меня на проезжую часть.

– Куда вы меня тащите?

– К машине, я вас отвезу куда скажете, – добрый самаритянин заботливо усаживал меня в автомобиль.

А, в самом-то деле, пусть подвезет: с паршивой овцы, как говорится, хоть шерсти клок! Тьфу, что-то меня на шерсти заклинило...

Я уселась в автомобиль и принялась:

– Ох, а чем это у вас тут пахнет? Полиролем, что ли?

Признаться, я ненавижу благоухание бытовой химии! Да и вообще к сильным запахам, если это не природные ароматы, отношусь без особого восторга – хотя какая-нибудь свежая бобровая струя тоже не лучший парфюм... В общем, на мой взгляд, лучший запах – это отсутствие всякого запаха. Впрочем, машина новая, понятно желание счастливого владельца щедро натирать ее всякой патентованной дрянью снаружи и внутри. Через сияющее лобовое стекло я уставилась на блестящий ультрамариновый капот: красивая синяя «десятка»...

Синяя «десятка»?!

– Секундочку! – с некоторым опозданием сообразила я. – Это разве не вы меня только что сбили?

– Простите, я не хотел. – Незнакомец потянулся ко мне с носовым платком. – Позвольте, у вас тут лицо испачкано...

– Еще бы не испачкаться! Ладно, вытирайте. – Зажмурившись, я подставила физиономию, и в следующее мгновение влажная вонючая ткань плотно прижалась к моему лицу, закрыв нос и рот.

Я дернулась, глубоко вдохнула резкий запах и отключилась.

– Совести у тебя нет, Тоха! – укоризненно сказал Колян, в хорошем темпе домывая оставшуюся после завтрака посуду. – Целыми днями дома сидишь, а пользы от тебя – ноль целых ноль десятых. КПД меньше, чем даже у паровоза братьев Черепановых! Ладно, положим, пылесоса ты боишься, стиральной машины тоже, газовую плиту включать не умеешь, и вообще, спички – кошкам не игрушка, но посуду-то мыть мог бы научиться, правда? Вон какие у тебя прекрасные меховые лапы, никакая мочалка не нужна!

– Мяу! – обиженно сказал кот из-под стола.

– Сам такой! – отозвался Колян, протягивая руку к завопившему телефону. – Слушаю.

– Доброго вам утречка! – ласково произнес незнакомый мужской голос с легкими старческими хрипами. – Мон ами, ради бога, извините за беспокойство, я только хотел бы узнать, вы котика не продаете?

– Миль пардон, самим мало, – любезно, в тон звонившему, ответил Колян.

Вежливый старичок тихонько кашлянул.

– Простите великодушно, мон шер, но вы совершенно уверены, что не хотели бы продать вашего зверька? Я предложил бы вам за него сотню американских долларов!

– Да вы что, сто долларов за Тоху?! Наглость какая, – искренне возмутился Колян, моментально утратив светский лоск. – Да он на развес дороже стоит! Мех, мясо! Шкварок нажарить!

– Милый юноша, вы только сообразите сказать свою цену, – ласково предложил собеседник.

– Не продается, – попытожил Колян и положил трубку.

Кот вопросительно мявкнул.

– Правда ведь, хамство, – продолжал громко негодовать Колян. – Сто баксов за кота! Персидского, с паспортом, с родословной! Да за него нужно брать сто баксов в час!

Тут он живо вообразил себя в роли кошачьего сутенера: на панели у «Интуриста», с толпой разномастных котов и кошек на сворке. Картинка вырисовывалась живописная, но домыслить ее Колян не успел, потому как телефон опять настойчиво зазвонил.

– Ну-ка! – Колян решительно взял трубку. – Ага, это опять вы? Знаете что, мон шер, вы мне своими фантазиями весь бон жур портите! Я своего кота никому не продам! – громко заявил он, косясь на Тоху. – И не только за сто, а даже за тысячу долларов! Ву компрене, мон ами?

– Тыща сто, мон шер! – еще громче сказала трубка.

Колян поперхнулся словом.

– Тыща двести! – вкрадчиво сообщил звонивший, расценив затянувшуюся паузу по-своему.

Колян надолго замолчал, глядя на кота как-то по-новому: отстраненно, оценивающе.

– Пардон, месье, но, по-моему, торг здесь неуместен! – кашлянув, заявил он наконец. – Зверь у нас непродажный, и на этом закончим! Шерше ля кот где-нибудь в другом месте!

Он снова положил трубку и вернулся к мойке. Выплескивая свое раздражение, энергично вытер тарелки.

– М-ма? – опасливо поинтересовался Тоха.

Колян обернулся и посмотрел на кота, прищурив глаза.

Тоха забеспокоился, прижал уши, невнятно буркнул и на всякий случай скрылся под диваном.

– А вот если кошачью ферму завести? – задумчиво обронил Колян, мечтательно глядя вслед Тохе. – Что, если размножать таких милых животинок и продавать задешево, по демпинговой цене – баксов по пятьсот за морду? Это какой же капитал можно сколотить?

Он аккуратно поставил в сушилку последнюю тарелку и решил вечером поднять на семейном совете вопрос о размножении Тохи. Вполне совершеннолетний кот, а у него никакой личной жизни!

– Очень мило, – саркастически произнесла я, оглядевшись.

И тут же оглушительно чихнула: у меня аллергия на пыльцу растений, иногда распространяющаяся и на бытовую пыль, а пол, на котором я лежала, был преизрядно грязен. Плюс к тому же осыпаящаяся известковая побелка на стенах, плюс роскошная паутина под потолком и по углам – в самом деле, премилое местечко!

Я села, потянулась рукой к гудящей голове и тут же влипла в монументальное творение паука, способного посрамить брабантских кружевниц. Спугнутый членистоногий автор поспешно удалился к потолку, украшенному тусклой лампочкой. Интересно, зачем мне оставили свет, если я все равно валялась без сознания?

Сбоку от меня что-то зашуршало, в испуге я подпрыгнула сидя: мало мне пауков, может, тут и змеи водятся?!

– Спокойствие, все остаются на местах, – сказала я сама себе: говорят, змеи нападают, как только потенциальная жертва шевельнется. Фигушки, не дождетесь, замру как истукан.

А может, это мыши? Мышей я не боюсь, даже люблю, они такие милые и потешные! Не поворачивая головы, я скосила глаза влево. Ага, вот и дверь обнаружилась! Запертая, конечно, иначе зачем кому-то просовывать бумажку в щелочку у пола.

Я машинально ухватила вползающий в каморку лист бумаги, вытянула его, потом встала на четвереньки и попыталась одним глазом заглянуть в узкую щель под дверь. Выскочившая оттуда шариковая авторучка едва не превратила меня в циклопа.

– Сдурели, что ли! – возмутилась я, перехватывая стило в миллиметре от своего глаза.

– Вы уже проснулись? Очень хорошо! – искренне обрадовался человек за дверью.

– Не уверена, – проворчала я. – Итак, я проснулась, и что дальше? Завтрак, кофе в постель?

– Завтрак вы проспали, – с укором сообщил мне мой собеседник. Подумал немного и добавил: – И обед тоже.

– Экономите на питании узников? А как же Женевская конвенция? – незлобиво попеняла я. – Ладно, бог с ним, с завтраком, будем считать, что у меня была сиеста. Теперь-то что?

– Теперь подпишите, пожалуйста, бумагу.

– Бумагу? Какую бумагу? – я огляделась, подобрала отложенный листок, посмотрела и нахмурилась: черным по белому в заголовке текста на полстранички было напечатано неприятное слово «завещание».

– Чтоб я сдохла! – ляпнула я, не подумав, и тут же прикусила язык: не ровен час накараю!

Ну-ка, почитаем... Вооружившись ручкой, я погрузилась в чтение, попутно машинально правя текст: не чье-нибудь завещание, мое собственное, стыдно будет, если останутся ошибки.

– Дорогой мой, у вас с пунктуацией проблемы, – закончив, злорадно заметила я. – Деепричастные обороты, чтоб вы знали, выделяются запятыми! А слово «шиншила», между прочим, пишется с двумя «эль». Нет, такую безграмотную чушь я подписывать отказываюсь!

Я сунула исчерканный листок под дверь.

– Перепишу, – виновато сказал мой похититель.

Я прислушалась: шаги удалились прочь от моей тюрьмы и затихли. Так, сумка моя при мне или нет? Я огляделась: на полу вдоль стены сиротливо лежит сломанная швабра, длинной шеренгой стоят пустые винные и водочные бутылки, в углу каморки жалкой кучкой горбится несчастное пончо. Поворошив его, я обнаружила под ним свою сумку, мокрую и грязную. Ну-ка, ну-ка, где-то тут была у меня круглая стеклянная баночка от йогуртницы, а в ней котлетка на обед... Надо же, все цело!

Торопливо затолкав в рот омерзительно холодную котлетку – заодно и пообедала, – я освободила баночку, наскоро протерла ее выуженной из сумки бумажной салфеткой, приставила доньшком к двери, приложила к отверстию ухо и прислушалась.

В некотором отдалении раздавалось характерное негромкое клацанье, похожее на цоканье маленьких коготков. О, это очень знакомый мне звук: его издает недорогая, а потому плохая – жесткая – компьютерная клавиатура. Потом натужно, как взлетающий самолет, взвыл матричный принтер, его я прекрасно слышала и без акустического прибора типа «баночка». Переписал, выходит, мое завещание, негодяй, сделал работу над ошибками, теперь распечатывает. Значит, сейчас снова мне на подпись принесет.

Я наклонилась, чтобы убрать стеклянную тару в сумку, и внезапно застыла как истукан: гениальная, хотя и несколько запоздавшая мысль пронзила меня, словно приступ радикулита. Дура я, дура! У меня же сотовый телефон в потайном кармашке!

Жутко боясь, что в толчее одного из тех общественных мест, где я то и дело бываю по роду службы, у меня украдут во всех смыслах дорогой для меня телефон, я однажды не поленилась и собственноручно вшила в боковое отделение для складного зонтика маленький эластичный кармашек, в котором очень уютно размещается трубка мобильника. Правда, вытаскивать его оттуда страшно неудобно, и, пока я сражаюсь с тугой тканью, звонящие мне порой теряют терпение и отключаются, так что плюсы мобильной связи подчас теряются.

Трясущимися от волнения руками я расстегнула застежку двойного отделения, нащупала в потайном кармашке трубку мобильника и снова замерла. Надо бы сначала спроводить куда-нибудь моего стража, а то ведь не даст спокойно позвонить, зараза!

– Я все поправил, как вы сказали, подпишите, пожалуйста, – под дверь вползла новая бумажка.

Я профессионально быстро пробежала глазами текст: на этот раз ошибок вроде нет, ни грамматических, ни фактических. Надо же, похоже, все мое имущество перечислено: квартира, компьютер, бытовая техника, мебель, библиотека, даже персидский кот – и тот в списке! К чему бы еще придраться? Ага, придумала!

– Не годится, – громко сказала я. – Не буду я подписывать бумагу, отпечатанную как попало! Сами посудите, картридж в вашем принтере совсем сел, иные буквы едва видны. К примеру, вот тут справа вертикальная полоса, она явно светлее остального текста, и в результате кот персидский, шиншилла моя серебристая, еле-еле читается! Это завещание или что? Извините меня, но такую бумагу раз в жизни пишут, надо же серьезно подойти к процессу! Не хочу матричный принтер, хочу лазерный!

– Но у меня нет лазерного! – По голосу чувствовалось, что мой сатрап растерян и близок к панике.

Ага, то ли еще будет! Не знает мерзкий похититель, с кем связался! Будет ему и паника, и кожная сыпь на нервной почве, и расстройство психики и желудка, и еще какой-нибудь зло-вредный геморрой, или я не я буду!

– Это ваши проблемы, – стервозно уперлась я. – Лучше готовиться нужно было! Плохая организация губит любое начинание! Нет лазерного принтера – нет и подписи под завещанием!

Тюремщик, видно, всерьез призадумался, по ту сторону двери стало тихо. Похоже, я немного перестаралась. Вот не уйдет он из дому – и не смогу я спокойно позвонить...

– Ну ладно, подскажу вам, – я сделала вид, будто сжалилась над несчастным негодяем. – На Новом рынке, как раз там, где вы меня давили, есть контора, в которой делают ксерокопии и распечатки. Цены у них умеренные, качество меня вполне устроит, работают они... – я посмотрела на часы, – ... до пяти. Если поспешите, еще успеете!

– Я быстро туда и обратно! – обрадовался негодяй.

Так, где моя акустическая баночка? Слушаем... Громко хлопнула дверь, очередью шелкнули замки – один, второй, третий. Ничего себе система безопасности! А, ладно, прорвемся! Подождав еще минуту – вдруг враг надумает вернуться, – я извлекла из тайного вместилища заветный сотовый и разочарованно охнула: трубка помаргивала красным. Разрядилась, зараза, хорошо, если хоть на один звонок хватит!

Коляну звонить рискованно, у него в отделе на одном служебном телефоне два кабинета, дюжина вечно замороженных граждан, пока разберутся, кого спрашивают, пока позвонят, моя трубка и окочурится. Позвоню Ирке. Минутку, а что я ей скажу? «Привет, Ира, меня похитили, пойдешь туда, не знаю куда и спаси меня, будь так любезна»?

Нет, видно, пришла пора решительных действий! Я положила телефон на пол, отошла к стене, разбежалась, насколько позволили скромные размеры помещения, и ударила плечом в дверь. Плечо хрустнуло, дверь скрипнула. Я повторила процедуру, поменяв плечо. Ба-бах! В вихре пыли мы вырвались на оперативный простор коридора – я и дверь кладовки. Подхватив с пола сумку и вооружившись на всякий случай обломком швабры, я крадучись обошла двухкомнатную квартиру. Зачем крадучись, сама не знаю, ведь, если и был в доме кто живой, уже прибежал бы на шум!

Одна комната стандартной двушки-хрущевки была совершенно пуста, в другой имелась старая продавленная кровать, да еще прямо на полу стоял довольно древний компьютер – «тройка» с принтером. Так я и знала, совершенно допотопный агрегат!

– Компьютеризация на марше, – пробормотала я, легонько пошевелив носком туфли «мышь», обморочно – кверху пузом – валяющуюся прямо на несвежем линолеуме.

С телефонизацией дела обстояли еще хуже: соответствующего аппарата в интерьере не было. Вот это крайне огорчительно, хотя и вполне предусмотрительно со стороны моего стража!

Признаков жизни в квартире не обнаруживалось, за ее пределами что-то, конечно, было, но – увы! – я очень быстро выяснила, что входная дверь крепко-накрепко закрыта.

– Ну что же, в таком случае мы пойдем другим путем, – поразмыслив, постановила я.

Подергав шпингалет, открыла двойную застекленную дверь и вышла на открытый балкон. Нет, если уж не везет, так не везет: пятый этаж! Выше только крыша.

А, собственно, где я? Пора подытожить результаты беглого осмотра территории.

Итак, я нахожусь в малосимпатичной двухкомнатной квартире на верхнем этаже старой кирпичной пятиэтажки (общая площадь – около сорока квадратов, жилая – двадцать восемь, карликовая кухня, микроскопическая прихожая, санузел, правда, раздельный, да и кладовка ничего, довольно удобная, в этом я могла убедиться). Балкон, как уже было сказано, незастеклен, но в моей ситуации это скорее плюс, чем минус: проще будет покинуть негостеприимные апартаменты, если надумаю прыгать. Но хорошо бы, однако, и с районом определиться... А заодно и с парашютом...

Я цепко посмотрела по сторонам, потом стала на цыпочки, по-жирафьи вытянула шею и углядела впереди за домами вращающееся око глазной клиники. Замечательный ориентир! Теперь мне все ясно! Пора звонить в мою персональную службу спасения.

Я привычно набрала шестизначный номер.

– Аллю-у-о-у? – сонным голосом, переходящим в зевок, сказала моя лучшая подруга.

– Спишь, соня? – упрекнула ее я. – А меня тем временем какая-то сволочь украла и взаперти держит!

– Какая сволочь? – не поняла Ирка.

– Редкая! – рявкнула я. – Не перебивай, слушай внимательно, у меня сотовый на последнем издыхании. Значит так, сейчас же приезжай к глазной клинике, повернешься к ней задом, к микрорайону передом, по левую руку впереди не то третий, не то четвертый дом. Подъезд или второй, или четвертый, не знаю, откуда считать, я на пятом этаже, стою на балконе, как Джульетта. Давай, спасай меня, пока не поздно!

– Ты только прыгать не вздумай, Джульетта, – предупредила Ирка. – Я тебя знаю! Сиди там, я тебя вытащу.

– Живее давай, негодяй может вернуться раньше!

Ничего больше я сказать не успела, потому что телефон отрубился.

Сева Панчуков по прозвищу Пончик сидел на полу и методично рвал на себе волосы.

– Не психуй, – сердито сказала ему жена Люся, торопливо перелистывающая страницы толстого журнала с надписью на обложке «Домовая книга-94». Возле распахнутого нижнего ящика мебельной стенки громоздилась большая куча подобных журналов с номерами от 85 до 02. – Мы найдем его. Их в основном кастрировали, так что к девяносто четвертому году пока есть только одна непресекающаяся линия.

– Я идиот, – в десятый раз скорбно объявил Пончик, но прореживать шевелюру перестал, выудил из коробки под диваном жесткую щетку и попытался ею причесаться.

– Идиот! – воскликнула Люся, отнимая у мужа щетку. – Сдурел, что ли? Это же кошачья!

Супруги Люся и Сева Панчуковы занимались разведением породистых кошек уже больше пятнадцати лет, руководствуясь сначала собственными вкусами Люси, а потом, когда хобби неожиданно стало довольно прибыльным бизнесом, уже рыночным спросом на четвероногих друзей. Сначала их питомцами были чудосочные сиамские кошки, потом в моду надолго вошли мордастые персы – этих Сева тайно ненавидел, будучи вынужден регулярно пылесосить мебель и ковры, а также дважды в день по двадцать минут причесывать каждую меховую тварь специальной проволочной щеткой. Кошкам парикмахерские упражнения Севы нравились не больше, чем ему самому, они шипели, рычали, вырывались и царапались, нанося Севе увечья, иногда довольно серьезные. Поэтому появление кошек-сфинксов, более известных в народе как «лысые кошки», Пончик благословлял: голенькие зверьки практически не линяли и не нуждались в причесывании, так что осточертевшие кошачьи щетки с загнутыми металлическими коготками, деревянные гребни и коробочки с тальком ушли в прошлое, точнее – в отсек под диваном.

– Вот! – почти торжествующе произнес Пончик, вскакивая на ноги. – Я так и знал! Кошки тебе дороже, чем я!

Люся холодно посмотрела на супруга.

– Конечно, дороже! Котят Маргариты Сильфиды по пятьсот баксов за голову влет уходят!

– Да на черта мне твои летающие котята! – обиженно заорал Пончик, в сердцах сильно пиная коробку с кошачьими прибабасами.

Промаяхнулся, угодил ногой в деревянную диванную ножку, пискнул и громко зашипел от боли.

– М-мя? – из своей комнаты заинтересованно откликнулась на шипение лупоглазая Маргарита Сильфида, откровенно скучающая в обществе пары подрошенных котят.

– Маргошечка, девочка моя милая, все хорошо, – повысив голос, ласково сказала Люся кошке и сердито посмотрела на приплясывающего на одной ноге Пончика. – Всеволод, сейчас же прекрати истерику! Ты пугаешь животное! Если бы не твоя собственная глупость, он уже был бы у нас! Ну скажи, зачем нужно было давать этим людям телефон клуба? Ты же прекрасно знаешь, что у меня там вся документация, полный учет и контроль! Боже мой, да не будь ты таким услужливым идиотом, мы могли бы найти его первыми! Да что там, только мы бы его и нашли, больше никто!

– Люсенька, ну не начинай все сначала, – сменив тон, кротко попросил Пончик. – Говорю же, я хотел как лучше. Тебя беспокоить не хотел, в этих талмудах копать... Откуда я мог знать, что тут такие бабки завязаны?

– Зато теперь знаешь, – сердито буркнула Люся.

– Я идиот, – покаянно проговорил Сева.

– Эврика!

– Не издевайся, пожалуйста, – попросил Пончик, обиженно сопя. – Я уже признал, что я идиот.

– Это-то само собой, – отмахнулась супруга. – Эврика, потому что я нашла нужную запись! Вот, смотри сюда: в девяносто четвертом году их у нас было трое, все мальчики – Кир, Клавдий и Конфуций. Все ушли по полторы сотни баксов, всех зарегистрировали в клубе, всем сделали прививки, выдали паспорта и родословные. А вот тут у меня отмечено, что Кира и Конфуция хозяева кастрировали еще до года, а Клавдия – нет, но насчет его потомства никаких записей! И что это значит? Либо он, бедняга, так и остался неразвязанным, либо его котята не были зарегистрированы. А раз так, то в любом случае именно он последний дееспособный представитель рода с документами!

– Наследник Клавдий, – медленно произнес Пончик.

– Да нет, скорее всего, он вовсе и не Клавдий, – досадливо поправила его Люся. – Помнится, я, как обычно, сразу предупредила покупателей, что будет лучше называть котенка не той кличкой, которая записана в паспорте, а как-нибудь совсем иначе. Ну, чтобы он не подходил к посторонним, чтобы его не обидели, не украли. Так что на Клавдия этот кот наверняка не откликается, да и на «кис-кис» не реагирует.

– А на что же он реагирует? – Пончик на мгновение задумался, потом коварно улыбнулся: – Говоришь, некастрированный?

Люся кивнула, не отрывая глаз от толстой домовой книги.

– Дорогая, ты не будешь возражать, если мы с Маргаритой Сильфидой немножко прокачимся? – уже из прихожей спросил Пончик, торопливо напяливая куртку.

– Катись, катись, – рассеянно ответила Люся, снова закапываясь в бумажные развалы.

В ожидании Ирки я не дремала, наоборот, проводила время очень весело и с пользой. При повторном, более тщательном осмотре на колченогом столе в кухне, в целом такой же

пустой, как вся квартира, обнаружился нехитрый продовольственный набор. В него входили надкушенный батон, непочатая бутылка лимонада, ломтик голландского сыра в пластиковой упаковке, целлофановый мешочек с корейской морковкой и небольшая бутылочка кетчупа. Батоном я побрезговала, сыр съела, а лимонад открыла, но не выпила, осененная блестящей идеей.

Скажите, кто, по-вашему, может войти в квартиру, не имея ключа? Ответ очевиден: или воры, или, наоборот, милиция. Криминальный мир беспокоить не будем, пока не поймем, с кем уже имеем дело, стало быть, остаются стражи порядка. Но поскольку сама я их вызвать не могу, за меня это должны сделать соседи!

Я посмотрела на часы: всего-навсего половина пятого, пенсионеры еще бодры и не приникли к экранам телевизоров.

– Дорогие мои старики, дайте я вас сейчас расцелую, – негромко запела я, сгребая со стола в охапку недоеденный провиант в ассортименте и вынося его на балкон.

Этажом ниже на веревках сохло свежевystиранное белье. Господи, прости! Ну, приступим! Я аккуратной струйкой вылила на белые простыни лимонад, и на влажной ткани тотчас расплылись омерзительные желтые пятна – рекламную тетю Асюхватила бы кондрашка. Снизу до меня донесся глубокий прерывистый вздох. Отлично!

– Что это вы там делаете?! – возмущенно закричала невидимая мне женщина. – Эй вы, сдурели, что ли, с балкона гадить?!

Ага, ей же меня тоже не видно! Я совершенно анонимный вандал! Ну-с, тогда продолжим.

Развязав узелок на целлофановом мешочке с острой корейской морковкой, я зачерпнула пригоршню истекающей соком оранжевой стружки и с большим вкусом покрошила ее на сохнувшее белье, переставшее быть белым окончательно и бесповоротно. Ладно, если спасусь – подарю этой тетке новый комплект, не простой, а золотой...

– Ты, с-сволочь, я тебе глаза выцарапаю! – донеслось снизу.

Не дрогнув, я зачерпнула еще морковки и размашисто швырнула ее на лавочку у подъезда, в классическом стиле сеятеля, разбрасывающего облигации выигрышного займа.

Уже через минуту в дверь заколотили, а во дворе раздался возмущенный ропот. Чутким ухом я уловила первый неуверенный выкрик «Милиция!» и закрепила достигнутый успех, неприцельно вытряхнув на головы гуляющим внизу густой ароматный кетчуп. Пустая стеклянная бутылочка тоже сгодилась в дело: ее я шумно разбила о ствол ближайшего дерева. Вниз посыпались осколки, вверх понеслись ругательства. Не сомневаюсь, теперь добропорядочные граждане уж точно вызовут милицию!

Удовлетворенно кивнув своим мыслям, я прошла в ванную и тщательно вымыла руки, а потом вернулась в комнату, устроилась на полу перед компьютером и включила его. Пока дожидаясь милиции, может, узнаю что-нибудь о моем похитителе?

– Вот гад, пароль поставил! – я почесала в затылке и отчаянно заколотила по клавиатуре, наугад набирая комбинации из четырех знаков.

Стоп-стоп, попробую сначала слова. Что мне приходит в голову? «Мама», «папа», «дядя», «бьяка», «бука», «Тоха»... Ура! Заработало! Компьютер скушал очередное слово и соизволил загрузиться, и тут что-то обожгло мне ухо, экран с глухим «пых!» разбился, гудящий процессор заткнулся, и запахло паленым. Неужто пожар? Ой! А я тут взаперти!

Я мгновенно выдернула вилку из розетки, быстро метнулась в кладовку, подхватила с пола еще влажное пончо и набросила его на дымящийся разбитый монитор. Хорошее все-таки было пончо, такое многофункциональное, царство ему небесное...

А теперь разберемся, кто помешал моему общению с компьютером, царство небесное и ему тоже.

Возмущенная, я вышла на балкон, уперла руки в бока и грозно посмотрела во двор.

– Ленуська, привет! – громогласно заорала Ирка, при виде меня начиная размахивать руками, как ветряная мельница крыльями. – Ты жива еще, моя старушка? Слава богу! А где этот? Говорят, у вас там драка? Кто кого? Помощь нужна?

– Разве что неотложная медицинская, – хмуро сообщила я. – Представляешь, какая-то паскуда снизу заехала мне кирпичом по уху, боюсь, опухнет теперь, как вареник.

– Прости, – виновато сказала Ирка. – Я хотела всего лишь привлечь твоё внимание.

– Это у тебя получилось, – желчно заметила я. – Мое внимание – твоё внимание. И что мне теперь делать?

– Поберегись! – завопила подруга, судорожно семафоря руками.

– Не поняла, повтори? – я нагнулась, стараясь получше разглядеть Ирку и её жесты, и чуть не вывалилась за перила: сверху, слегка промахнувшись мимо моей спины, на балкон свалился альпинист!

– Руки! – истерично завопила я, боясь, что это очередной гангстер.

Нет, не позволю к себе прикасаться, хватит с меня чреватых обмороками контактов!

«Гангстер» поспешно вздернул руки вверх.

– Ленка, не выбрасывай его, он хороший! – упреждая мои дальнейшие действия, закричала снизу Ирка. – Это спасатель!

– Да, знаем мы таких спасателей, – недоверчиво пробормотала я, плотно забиваясь в угол балкона, заставленный пустыми стеклянными банками и бутылками. Прекрасные метательные снаряды, если что – закидаю бандюгу стеклотарой!

– Конечно, знаете, – проворчал спасатель, снимая с головы вязаную шапочку и открывая взору ярко-рыжую шевелюру. – И я вас знаю. Вы Лена, да? С телевидения? А я Стас, помните, я вам интервью давал на открытии службы спасения в Екатеринодаре?

– А, это когда я, не выпуская микрофона, показательно поднималась по веревкам на дерево и перепутала все ваши помочи? Меня потом Женька, мой оператор, две недели называл не иначе как «человек-паук»! – Я невольно развеселилась. – Точно, теперь я вас вспомнила, здравствуйте, Стас! Зачем пожаловали?

Рыжий выпутался из своей упряжи и шагнул в комнату, что-то отыскивая взглядом.

– Позвонила какая-то женщина, сообщила, что ребенок заперт в доме один, изнутри дверь открыть не может, надо спасать. Чей ребенок-то? – он оглянулся на меня.

– Ребенок-то? Моей мамы, – ответила я, спешно заталкивая в сумку скомканное пончо и поудобнее пристраивая распухшую торбу под мышкой. – Послушай, Стас, тут ошибка вышла. Дверь закрыта снаружи, изнутри мы ее не откроем. Поэтому твоя задача – вытащить меня отсюда, хоть вверх, хоть вниз, это ты сам решаешь. Справишься?

Я поглядела вниз: поруганное белье снято, веревки притянуты ближе к балкону. Это очень хорошо, не хотелось мне влипнуть в эту паутину, страшно представить, что сделала бы со мной разгневанная хозяйка испорченного белья, попадись я ей в руки!

Рыжий нахмурил брови, потом что-то сообразил, просветлел лицом и подмигнул мне:

– Это съемка, да? А где камера?

– Там, – я неопределенно махнула рукой куда-то в сторону противоположного дома.

– Скрытая? – с тихим восторгом спросил Стас.

– Как государственная тайна, – подтвердила я. – Так что, Тарзан, ты вытащишь меня или нет?

– Спустим вниз, это легко, – кивнул спасатель. – Тем более кое-какой опыт у вас уже есть.

– Даже больше, чем ты думаешь, – вполголоса проговорила я.

Однажды в ранней юности я пыталась прыгнуть с парашютом с вышки, но оказалась слишком легкой и повисла на полпути между небом и землей, не одолев противовес. Как выяснилось, чтобы совершить не только прыжок, но и приземление, нужно весить не менее пятидесяти кило. Я обманула инструктора, и высшие силы меня немедленно покарали, заставив

марионеткой болтаться в воздухе. Помнится, очень мне было неудобно! И тогда меня тоже спустили вниз, причем круглый парашютный купол над головой закрывал от меня общую суету на вышке, и создавалось крайне неприятное впечатление, будто я покинута всеми на произвол судьбы.

На этот раз я прекрасно видела все происходящее. То есть вполне могла бы видеть, если бы не зажмурилась крепко-накрепко.

– Все, можешь открывать глаза, альпинистка моя, скалолазка моя, – сказала Ирка, принимая меня в объятия.

Я настороженно поморгала: рядом с подругой топтались два рослых парня с хмурыми мордами.

– Кто такие? – с подозрением спросила я.

Эх, меняется, меняется характер: сколько себя помню, я всегда была веселым и общительным персонажем, но еще чуть-чуть – и начну шарахаться от людей, как снежный человек!

– Чип и Дейл, – ответила Ирка, успокаивающе поглаживая меня по плечу. – В смысле, тоже спасатели.

– А где же девочка? – обеспокоенно спросил Чип.

Дейл, задрав голову, смотрел на балкон пятого этажа. Должно быть, ждал спуска ребенка.

– Кто скажет, что это мальчик, пусть первым бросит в меня камень! – вполголоса заявила Ирка, уводя меня в сторону от дома, к припаркованному неподалеку автомобилю.

И мы по-английски, не прощаясь, удалились со сцены.

Вован подошел к дому со стороны гаражей, один из которых со вчерашнего дня стал его летней резиденцией: машины там отродясь не бывало, гараж Вован купил в нагрузку к двухкомнатной квартире на пятом этаже кирпичной хрущевки в те далекие времена, когда у него были постоянная работа и стабильный доход, а тяги к спиртному еще не появилось. Строго говоря, Вован и сейчас не был пропащим алкашом, пил он только по выходным, но так, что после каждого уик-энда долго – аккуратно всю рабочую неделю – маялся беспросветной амнезией. Ни личному счастью, ни карьерному росту дурная привычка не способствовала, но Вован предпочитал не замечать очевидного и нашел своим жизненным неудачам другое, весьма оригинальное объяснение.

Началось все с того, что, развернув как-то бульварную газетку, содержащую в себе сочащуюся жиром янтарную таранку, Вован в промежутке между первой и второй кружечкой пива от нечего делать пробежал глазами интервью популярного певца Мутузова, осчастливившего своих фанатов изречением «Это наша жизнь, и мы ее живем!» Мысль Вовану понравилась глубиной и универсальностью формулировки, допускающей варианты, как то: «Это наша еда, и мы ее едим!», «Это наше пиво, и мы его пьем!» и «Эта наша мысль, и мы ее мыслим!» И вот, неспешно обдумывая эту самую мысль, Вован закономерно закручинился: а всегда ли именно мы живем нашу жизнь? И если уж на то пошло, то жизнь, которую мы живем, наша?!

В разгар Вовановых алкогольно-философских бдений неподалеку объявился интеллигентный забулдыга Эдуард Петрович, регулярно собирающий вблизи гаражей бесхозную стеклотару. Благодарно допив слитые ему остатки пива, Петрович мимоходом просветил Вована насчет теории существования параллельных миров. И Вован нутром почувствовал: истина где-то рядом! А тут еще собственный Вованов сыночек-подросток, умничая в укор папаше-простофиле, зачем-то поведал, что параллельные прямые, оказывается, очень даже пересекаются – где-то в бесконечности, что, мол, успешно доказал ученый математик Лобачевский!

Лобачевский оказался последней каплей. Вован прозрел: параллельные миры, для большинства сограждан пребывающие в состоянии нейтралитета, оказывается, то и дело пересекались непосредственно в жизни Вована! Обидно, конечно, но никто, кроме него, явных признаков пересечения параллелей не замечал.

Жить, впрочем, приходилось все больше в общей с народом реальности: в первую очередь так или иначе зарабатывать деньги на пропитание и пропивание. А поскольку работать Вован никогда не любил и не хотел, нужно было искать варианты.

Сдать на все лето свою двухкомнатную квартиру он решил не вдруг, а когда все же решил, потребовал от жильца рекомендаций и деньги вперед, но оставлять родные пенаты без чуткого хозяйского присмотра не собирался, понимая, что всегда найдется повод заглянуть на огонек. Сегодня, к примеру, Вован решил принять ванну, а уж после нее слегка принять на чисто вымытую грудь. Глядишь, и жилец поздравит хозяина с легким паром, завяжется непринужденная беседа, а поговорить Вован всегда любил. В подпитии он становился изумительно красноречив.

С мужской компанией, правда, не сложилось: еще только сворачивая к соседнему продовольственному магазину за выпивкой и закуской, Вован заметил красивый синий автомобиль своего жильца. Машина быстро удалялась в сторону центра.

– Куда денется? Вернется, – успокоил себя Вован и спокойно осуществил нехитрый шопинг.

Получасом позже, помахивая пакетом с сосисками, с игриво топорщившейся в брючном кармане бутылочкой кетчупа и плоской поллитровкой водки за пазухой, он подошел к своему подъезду и остановился, терпеливо ожидая, пока его пропустят на крыльцо две возбужденные бабы в цветастых халатах. Соседки оживленно разговаривали, пересыпая приличные слова родной речи неприличными в пропорции один к одному.

– И эти тра-та-ташные тра-та-та своей тра-та-ташной морковкой, тра-та-та ее в тра-та-та, тра-та-тахнули мое белье к тра-та-ташной матери! – брызгаясь слюной, сообщила одна баба другой.

– Круто, – уважительно сказал Вован, не только с ходу оценив виртуозное владение родным словом, но и моментально ухватив суть душераздирающего конфликта.

Говорливая баба замолчала и медленно, со скрежетом, повернулась к Вовану, как танковая башня.

– Ты, – без выражения произнесла она.

– Я, – вполне дружелюбно подтвердил Вован, с детским интересом ожидая продолжения. Баба посмотрела на его прозрачный пакет с сосисками и уперла руки в боки.

– Что в кармане?

– Кетчуп, – простодушно ответил Вован.

– Кетчуп, значит, – зловеще повторила баба, мрачней пуще прежнего. – Опять, значит...

– Валька, Валька, ты не горячись, сейчас милиция приедет, разберется, – дернула ее за рукав баба номер два. – Слышь, Валька, не надо, не связывайся, не марай руки!

– А я замараю, – с вызовом сказала Валька, вздымая распаренные красные кулаки и нависая над сжавшимся Вованом, как кариатида. – Ему, значит, можно мараить, а мне, значит, нельзя? Ты каким дерьмом, сволочь такая, белье мне загадил?!

Гадить на соседское белье из Вовановой квартиры мог только жилец, которого, впрочем, как раз не было дома. Опять параллельный мир проявился, сразу понял Вован. Где-то там его непутевое второе «я» что-то напортило, а прорвало, как обычно, сюда.

– Да это же не я, – покрутив головой, попытался объяснить Вован разъяренной бабе. – Меня и дома-то не было! Это, наверное, опять напортило мое параллельное альтер эго!

– Ты свое дерьмо хоть как назови, пятна все одно останутся! – не дослушав, завопила соседка.

Вован невольно попятился. Дородная Валька размахнулась и неловко, но чувствительно двинула его в ухо.

– Милиция! – неуверенно воскликнул Вован, отталкивая от себя разъяренную бабу.

– Милиция! – басом заревела Валька, с размаху шлепнувшись пышным задом на крыльцо.

– Милиция! – молодежато рявкнул над ухом Вована участковый Василь Михалыч, вызванный еще с полчаса назад, но удивительным образом подоспевший вовремя.

– Милиция, – встревоженно прошептал себе под нос водитель незаметно подкатившей к дому синей «десятки».

Машина неуверенно притормозила у подъезда, помедлила и проехала мимо гомонящих участников конфликта, набирая скорость.

Черный «Мерседес» Севы Панчукова мирно катил в потоке машин, следующих по оживленной городской магистрали в сторону Грушевского моста.

В душе самого Севы мира не было. Хотя бы потому, что он не знал, за каким чертом катится на улицу Гагарина, являющуюся, согласно Люсиным записям, последним местом жительства кота Клавдия и его хозяйки. Хотя нет, за каким именно чертом – это как раз было ясно: за тем самым Клавдием, в мохнатые персидские лапы которого само собой, как спелая груша, свалилось заокеанское наследство. Но совершать налет на квартиру и с криком «Кот или жизнь!» вырывать четвероногого наследника из рук любящих хозяев Пончик не собирался. Впрочем, теплилась в Севиной смятенной душе смутная надежда на то, что кота иногда выпускают погулять на улицу. И если это так, то лупоглазая Маргарита Сильфида с формами изможденной топ-модели, мирно дремлющая на заднем сиденье «мерса», может пригодиться как приманка.

Впрочем, могло бы получиться и лучше. Сева мечтательно прищурился, воображая персидского очаровашку, с самым сиротливым видом восседающего на крышке канализационного люка посреди бескрайней грязной лужи. Конечно, в этой ситуации Сева не будет раздумывать, как не раздумывал простой русский дед Мазай, выручая из беды простых русских зайцев. Разумеется, Пончик просто обязан будет спасти несчастное животное. Подобрать, обогреть... Подогреть, обобрать...

Тут мечтателю пришлось срочно раскрыть глаза: впереди длинно скрипнули тормоза, и Сева вспомнил, что он за рулем. Так и в аварию попасть недолго, и самому покалечиться, и «мерс» помять!

Между тем «Мерседес» был единственным четвероногим другом, к которому Пончик питал искреннюю привязанность. В пропахшем табаком уютном салоне верного «мерса» Сева не раз находил прибежище, спешно унося ноги из квартиры – эпицентра разрушительных семейных скандалов.

Своевременно перестроившись в другой ряд – благо там как раз образовалось свободное местечко, – Сева злобно покосился на «шестерку», в чей топорный белый зад он едва не въехал. Ну, разумеется, баба за рулем! Чего еще ждать, какого соблюдения правил дорожного движения! А рядом с бабой-водителой сидит баба-пассажирка, это уже почти катастрофа: небось всю дорогу точат лясы, перемывая кости своим несчастным мужикам!

Сева снова вспомнил законную супругу Люсю и еще больше помрачнел. На примере этого экземпляра женской породы Пончик считал всех представительниц слабого пола существами крайне вредными. Для мужчин, во всяком случае.

Подождав, пока за злополучной «шестеркой» образуется буферная зона из пары других автомобилей, Пончик вернулся в средний ряд. Он предпочел бы держаться от машины с бабами подальше, но «жигуленок» упорно следовал в том же направлении, что и сам Сева.

– Колянну ничего не говори, – предупредила я Ирку, разглядывая свои ладони: морковка окрасила их не хуже хны, так что я слегка смахивала на индийскую танцовщицу. – Знаю я Коляна! Он за меня испугается, будет водить на работу и с работы за ручку и поминутно зво-

нить мне по телефону, в том числе и по сотовому. Мало мне переживаний, так еще и расходы будут! Надо сначала разобраться, что к чему.

– Как ты думаешь, может быть, тебя с кем-то перепутали? – предположила Ирка, часто поглядывая в зеркало заднего вида. – Знаешь, как это бывает?

– Как?

– Как в том анекдоте: пастор идет на встречу со Штирлицем. У двери нужно назвать пароль. Пастор стучится и конспиративным голосом говорит: – «Слоны идут на Север!» – «Слоны идут на фиг! – орут из-за двери. – А Штирлиц живет этажом выше!»

– Смешно, – даже не улыбнувшись, сказала я. – И с кем, по-твоему, меня могли перепутать? С пастором? Или со Штирлицем?

– Со слоном, – засмеялась Ирка. – С карликовым таким слоном в черной шерстяной попоне!

Она снова глянула в зеркало:

– Тьфу, пропасть, мне теперь погоня мерещится!

– Сама ты слон, – беззлобно огрызнулась я. – Нет, завещание точно было мое, полный инвентарный список. – Я тоже беспокойно оглянулась. – А что, эта черная машина давно за нами едет?

– От самого перекрестка, – ответила Ирка. – А может быть, тебя ради выкупа умыкнули?

– Выкупа не просили.

– Это у тебя не просили, а у родственников? Может, им уже прислали письмо с угрозой убить тебя, если не откупятся. – Ирка добавила газу, пытаясь оторваться от черного «Мерседеса».

Подозрительный «мерс» висел у нас на хвосте как приклеенный.

– Ага, и в доказательство серьезности своих намерений хотели приложить к письму мое ухо, – хмыкнула я, невольно пощупав упомянутый опухший орган. – Хотя нет, путаю, по уху меня звезданул кое-кто другой, – с укором посмотрела я на подругу.

– Это мог сделать маньяк, – задумчиво сказала она.

– Ирка! – возмутилась я. – Не надо перекладывать свою вину на других! Мое ухо – твоих рук дело!

– Да отстань ты со своим ухом, я сейчас совсем о другом говорю. Точно, это маньяк!

– Это? – я оглянулась на «мерс».

– Да нет же, твой похититель маньяк, – ответила подруга. – А в «мерсе», скорее всего, просто зажавшийся жлоб, которому обидно глотать пыль за «шестеркой». Держись!

Прямо из среднего ряда, опасно подрезав автобус справа, Ирка бросила машину в первый попавшийся поворот, утопила газ, на хорошей скорости объехала жилой квартал и оказалась далеко позади черного «мерса». Странно, я-то раньше думала, что отрыв от погони подразумевает опережение преследователей, а не отставание от них! Впрочем, Иркин хитрый маневр удался: подозрительный автомобиль благополучно проследовал по ходу движения, не обратив на нашу «мертвую петлю» никакого внимания. Должно быть, человеку было просто по пути с нашим авто.

Я успокоилась, пожав плечами, спросила у подруги:

– Ты как, поужинаешь с нами? Я вчера грибы тушила в сметане, кое-что еще осталось.

– Давай, – с готовностью согласилась Ирка. – Дома мне одной скучно, Моржик в Голландии, я и не готовлю почти. Томке овсянки с мясом наварю, ну и за компанию сама ее тоже ем. Ничего, съедобно, вкусно даже, но хочется какой-нибудь человеческой пищи.

Моржик – это Иркин супруг, третий и, хочется надеяться, последний: уж больно много общих усилий мы приложили, чтобы придать ему этот статус! На начальном этапе нашего знакомства у Моржика было два имени: Монтик и Сержик, но однажды всем нам надоело в них путаться, и мы образовали одно комбинированное. А Томка – это овчарка мужского

пола, кобель по кличке Томас, наряду с персидским котом Тохой доставшийся мне после развода с первым мужем. Моя любимая собака совершенно неуправляема и невыносима в быту, и потому, а также по причине недостатка площади в нашей с Коляном новой квартире проживает у Ирки – хозяйки большого дома на окраине города. А Колян, если кто еще не понял, это мой второй муж. Чрезвычайно любимый.

Ирка припарковала свою белую «шестерку» под осыпающимся сиреневым кустом, мы вежливо поздоровались с бабками во дворе и вошли в мой подъезд.

– Привет, кыси, – радостно сказал Колян, одной рукой распахивая перед нами дверь.

В другой руке у него была вилка. Очень плохой признак! Я нахмурилась, предчувствуя недоброе.

– М-м, грибочки! – приняхиваясь, оживленно произнесла Ирка.

– Ага, были грибочки, – согласно кивнул мой муж, энергично чавкая.

– Как это – были? Утром еще полкастриули оставалось! – встрепенулась я. – Стоп! Что это у тебя на вилке?

– Говорю же: грибы, – потупился Колян.

– Ясно, значит, еды в доме нет. – Обреченно вздохнув, я смирилась. – Ну и кто побежит в магазин?

– Бросим монетку!

– Хорошо, – согласилась я. – Будет орел – пойдет Колян, решка – Ирка, а если на ребро станет – я сама схожу.

– А если в воздухе зависнет? – съязвил муж.

– Тогда Тоха.

Я принесла специальную гадальную монетку – дореволюционный серебряный двугривенный, найденный лично мной в студенческие времена на археологических раскопках, каковыми вполне можно было считать сбор скудного урожая на колхозном картофельном поле.

Колян размашисто подбросил монету вверх, металлический кружочек попал точно в одинокую лампочку, и она шумно разбилась. Осколки стекла посыпались вниз вместе с монетой.

– Ой! – вскрикнула Ирка.

– Спокойно, – сказал Колян. – Все остаются на своих местах! Стойте тихо, сейчас я включу свет в прихожей и вымету осколки.

– Там где-то монета, ты ее не выметай, – предупредила я. – Мы еще не выяснили, кто идет за покупками!

– Монеты там нет, она тут, у меня на голове, – подала голос Ирка.

– Почему – на голове? – удивилась я.

– Потому что на нее упала!

– И не отскочила?

– Отскочила, но я ее поймала и снова на голову положила.

– Зачем?!

– Чтобы шишки не было!

– Зря, стало быть, подбрасывали, – раздосадованно сказал Колян, сметая с пола стеклянный мусор. – Все гадание насмарку!

– А ну-ка, дай сюда голову! – Я потянула Ирку в освещенную прихожую. – Так, судя по ссадине, монета упала на ребро!

– Значит, тебе идти! – радостно заметил Колян.

Я не стала спорить, быстро собралась и вышла из квартиры, оставив дверь слегка приоткрытой: Тоха любит посидеть на порожке, осматривая и обоняя окрестности. Дальше лестничной площадки он обычно не уходит, поэтому против таких прогулок я не возражаю.

– За Тохой приглядывайте! – с этими словами я ушла.

– Иди сюда, киска, – сказал Пончик, пряча изящную Маргариту Сильфиду за пазуху.

Машину он припарковал у самого подъезда, дверь в дверь. Старушки на лавочке, конечно, выразили недовольство, но Сева обезоружил их улыбкой и вежливым приветствием: выйдя из машины, он чинно поклонился бабушкам, прижав руку к сердцу, в районе которого под курткой шевелилась Маргарита Сильфида.

– Культурный, – одобрительно сказала добродушная баба Таня из квартиры номер семь, безмятежно лузгая семечки.

– Че ему у нас надо-ть, культурному? – проворчала баба Вера из второй, не отрываясь от вязания. – Венька, поди-тко сюды!

Шестилетний Венька оторвал испачканные песком руки от серебристого значка Севиного «Мерседеса» и послушно протянул бабушке ногу в спортивном ботинке. Старушка сопоставила объемы недовязанного носка и щиколотки внука, кивнула и снова зашевелила спицами.

– Пока все хорошо, – сам себе сказал нервничающий Пончик, поднимаясь по ступенькам лестницы.

Дверь нужной квартиры на втором этаже оказалась приоткрытой. За ней было светло, работал телевизор.

– Не к добру, – прошептал Пончик, замедляя шаг.

Он замер, пристально глядя в щель приоткрытой двери.

Оттуда бесшумно появилось что-то белое. Сердце Пончика забилося громче, под курткой беспокойно заворочалась Маргарита Сильфида. На пороге возник пушистый, как хризантема, крупный кот.

– Клавдий, – тихонько позвал Пончик. – Клаша, котик!

Кот сидел неподвижно, похожий на меховую пирамидку. Затаив дыхание, Пончик сунул руку за пазуху, вытащил наружу Маргариту Сильфиду и потряс ею в воздухе, как колокольчиком. Кошка задрожала и протестующе мяукнула, кот на пороге насторожился, присел на четыре лапы, нервно задергал хвостом и понюхал воздух коротким носом. Пончик, крепко держа Маргариту Сильфиду за голую спинку, поставил кошку на ступеньку и медленно повел ее вниз, не отрывая взгляда от белого кота. Перс плавно двинулся вперед. Маргарита Сильфида напряглась. На лестничной площадке между этажами Пончик позволил коту подойти поближе, быстро оглянулся – никого нет! – и ловко сцапал животное за загривок.

Кот негромко взвыл, добычливый Пончик, уже не заботясь о сохранении тишины, держа в каждой руке по трепыхающемуся зверю, шумно сбежал по лестнице вниз, одного за другим швырнул кошачьих в открытое окошко машины, распахнул дверцу, плюхнулся на сиденье и уехал.

– Это чтой-то было? – подняла голову баба Вера.

– А? – безмятежно отозвалась баба Таня, лузгая семечки.

– Тлах-тах-тах! – радостно прокричал вслед удаляющемуся «мерсу» Венька, целясь в него из палки.

Три минуты на дорогу туда, три – обратно, пять минут на покупки – я обернулась быстро.

Дверь нашей квартиры по-прежнему была приоткрыта, кота на площадке не видно. Должно быть, он испугался чьих-то шагов и скрылся внутри.

– Ваша Кыся пришла, вам поесть принесла, – сказала я, заглядывая в кухню. – Ой! Что это вы делаете?

Колян и Ирка запалили все свечи, которые нашлись в доме, и теперь чинно сидели за пустым столом, будто участники какого-то мистического обряда. В комнате inferнально завывал телевизор.

– Ужина ждем, – загробным голосом отозвался Колян.

– А я думала, духов вызываете. Могли бы хоть чайник поставить. – Я передала из рук в руки пакет с провизией. – А где Тоха?

– На пороге сидит, – все тем же загробным голосом с подвыванием ответил Колян.

– На пороге его нет!

Я встревожилась. Кот у меня нежный, избалованный, сугубо домашний, чтобы он по собственной инициативе ни с того ни с сего на ночь глядя ушел из дому?! Такого еще не бывало!

– Тоха! Ты где?

Мы быстро осмотрели квартиру, особо проверив любимые Тохины «норы»: под ванной, под диванами и под шкафом. Кота нигде не было, и я моментально впала в панику:

– Украла нашего Тоху!

– Украла наши сто пятьдесят баксов! – всплеснул руками муж.

В младенчестве Тоха был продан мне котозаводчиком именно за эту сумму. Колян у всегда свойственно было рассматривать кота как стратегический финансовый резерв.

Мы шумно сбежали по лестнице во двор.

– Кота не видели? Такой белый, крупный, мохнатый? – Колян сразу провел блиц-опрос населения.

Бабульки на лавочке невнятно завохтали.

– Крупный белый кот уехал в масыне, – шепелявя и картавя, с готовностью сообщил свидетель лет шести, вынимая грязный палец изо рта и тыча им в воздух. – Во-он в той, котолая за угол сволачивает!

– Про какую-токую сволочь он говорит? – тихо переспросила меня Ирка, не имеющая навыка общения с младенцами.

– Может, про ту самую? – предположила я.

Мы дружно повернули головы: за угол медленно втягивался хвост черного «мерса». Нет, та сволочь, которая украла меня нынче поутру, ездила на синей «десятке». Постойте-ка, а ведь этот калошного цвета «мерс» нам сегодня уже попадался!

– Кыся, бегом за ним, – скомандовал Колян. – Там проезд узкий, весь в колдобинах, он быстро ехать не сможет. Ирка, мы огородами, ему наперерез, перекроем выезд на дорогу!

Теряя туфли, я побежала за черной машиной и, против ожидания, ее догнала: она стояла за углом с работающим двигателем, слегка трясясь.

– Дрожишь, гад! – ликующе вскричал Колян, выпрыгивая из клумбы к капоту «Мерседеса».

Ирка отстала от него на пару шагов, зато у нее в руках был здоровенный деревянный кол, заостренный и испачканный землей. За колом по земле волочились плети фасоли.

Однако вцепиться в машину мы не успели: дверца распахнулась, и из нее с ревом вылетела молния – белая, вполне шаровая: Тоха. Кот сиганул в клумбу и помчался в сторону, противоположную родному дому, шурша цветами, устилающими его путь.

– Отставить разборки, ловим кота! – закричала я, ныряя в клумбу следом за Тохой.

Ё-моё, какая зараза посадила в палисаднике картошку, ноги же можно переломать! Оступаясь и ругаясь, я пробежала по грядкам, выскочила, как чертик из табакерки, на сидящих на лавочке бабушек, тут же прыгнула в следующую клумбу, споткнулась о корень, растянулась во весь рост и последним усилием сцапала ускользящего кота за хвост. Тоха заорал, в панике полоснул меня по руке когтями, но я не ослабила хватку, второй рукой ухватила зверя за загривок и зафиксировала позицию.

– Отпусти, я его держу! – вовремя подоспела Ирка.

В четыре руки мы прижали изворачивающегося кота к земле.

– Тряпку бы надо какую-нибудь, – тяжело дыша, проговорила Ирка.

– Есть тряпка, – вспомнила я.

Хорошо, что не оставила в квартире сумку! Благословенное пончо опять пригодилось!

Спеленав кота как младенца – так, что из черного матерчатого кокона виднелась только суровая блондинистая морда, – мы торжественно проследовали домой. По пути я озиралась в поисках запропастившегося куда-то Коляна, но его нигде не было видно.

– Ленка, это не Колянова тапка? – Ирка нагнулась, подобрала с земли пляжный шлепанец.

– Похож, – согласилась я, невольно хмурясь.

– А где же второй? – заинтересовалась Ирка.

– А где же Колян? – поправила ее я.

И позвала – сначала негромко, потом все возвышая и возвышая голос:

– Коля! Колян, твою дивизию!

– Николай, отзовись! – во всю мощь своих легких взревела Ирка.

Из-под крыш соседних домов густо повалили вспугнутые голуби, взвизгнув, унесся в подворотню разбуженный воплем щенок, в моем доме на втором этаже распахнулось окно и оттуда высунулась бабка, громко и затейливо проклиная «чертовых уродин, не дающих порядочному люду покоя». А Колян, из-за которого и был поднят весь этот шум, не отзывался и не показывался!

Ох! Стараясь не паниковать, я вихрем взлетела по ступенькам лестницы, ворвалась в квартиру и поспешно обследовала все помещения. Любимого мужа нигде не было.

– Сначала ты, потом Тоха, теперь Колян, – мрачно подытожила Ирка. – Крадут вас, как арбузы с грядки!

В пылу погони за черным «Мерседесом», водителя которого так никто и не разглядел, Колян не заметил, как лишился обуви. Вернее, один комнатный шлепанец остался при нем, а второй покинул хозяина где-то на дистанции.

И то сказать, ничего удивительного в этом не было: марш-бросок через клумбу напоминал бег с препятствиями, кои были и многочисленны, и разнообразны. Колян успел заметить несколько разновысоких барьеров, сооруженных из подручного материала охочими до садово-огородных работ жильцами в ходе огораживания своих персональных земельных наделов, пару водоотводных канав и монументальный пень, на котором лесовиком гнезвился замшелый дедок, стерегущий неизвестно от кого в начале лета свои картофельные грядки.

Бдительный старец замахнулся клюкой, вынудив выпорхнувшего из куста Коляна совершить затейливый пируэт в воздухе. Возможно, именно тогда скромный шлепанец, не претендующий на роль спортивной обуви, окончательно вышел из игры.

Громкие крики призывающих его Алены и Ирки Колян прекрасно слышал, но предусмотрительно не отозвался. Еще чего! Да появись он перед женой полубосоюком, в одиноком шлепанце, она непременно начнет язвить по поводу рассеянности гениальных программистов, у которых лишь тогда все в порядке с памятью, когда память эта – компьютерная!

Колян подумал и решил пропажу вернуть, для чего следовало пройти по тому же маршруту в обратном направлении, внимательно глядя под ноги. Авось и найдется блудный шлепанец.

Разминувшись с черным «Мерседесом», скромный серенький «Вольво» мышкой юркнул с улицы Гагарина на асфальтированную дорожку, левое крыло которой вело к дому номер три, а правое – к дому номер пять, повернул налево и остановился так, чтобы водитель мог видеть в зеркальце заднего вида нужный подъезд.

Александр выключил двигатель и нерешительно поерзал на сиденье. Он еще не знал, что будет делать, когда увидит нужного человека. И будет ли вообще что-то делать.

Александр Акимович Чернобрюх, он же Сашок, был человеком рассудительным и трезвомыслящим, но не чуждым порывов. Иногда, когда следовало бы сдерживать негативные эмо-

ции, он срывался, страшно таращил глаза, как Петр Первый в старом кино, и громко кричал на окружающих, не особенно выбирая выражения. Доставалось обычно родным и близким. Просто знакомым, совсем незнакомым и партнерам по бизнесу Сашок являл другие стороны своей натуры: практическую сметку, общительность и обаяние, создаваемое вкупе хорошими манерами, приятным баритоном и респектабельной внешностью преуспевающего бизнесмена средней руки. Александр Акимович владел и управлял небольшой строительной фирмой, дела у него шли неплохо, на жизнь в трехэтажном особняке худо-бедно хватало.

Сашок нервно побарабанил пальцами по рулю в кожаной оплетке и поморщился. Упомянутый особняк был его гордостью и одновременно непреходящей головной болью. Сашок сам спроектировал большой и довольно удобный дом, лично руководил его строительством и кое-что даже сделал собственными руками. Например, прибил плинтус в одной из комнат.

Надо бы заранее новое ковровое покрытие в бильярдной свернуть, подумал Сашок, вспомнив о ремонте. Знаю я этого пакостника, непременно испоганит...

В канаве рядом с машиной что-то пугающе зашуршало, Сашок подпрыгнул на сиденье и опасливо обернулся к окошку. Выглянул наружу, увидел слева от себя шевелящуюся коричневую спину.

– Пошел отсюда, – замахал руками Сашок. – Пошел-пошел!

– Это вы мне? – Коричневая спина распрямилась, и удивленный Сашок увидел длинноволосого парня в шерстяном свитере.

– Простите, я думал, это собака, – смутился вежливый с посторонними Сашок. – Они тут всюду шныряют...

– Ага, шныряют и еще тапки воруют, – согласился парень. Он доверчиво посмотрел на Сашку чуть раскосыми синими глазами и с надеждой спросил: – Скажите, вы тут где-нибудь поблизости шлепанца не видели? Серый такой, пляжный? Я потерял...

– Шлепанец? – повторил Сашок, что-то про себя соображая. Точно, это же ее новый муж! Как там его зовут, Петя? Нет, Коля! – Нет, шлепанца я вашего не видел. А вы Николай?

– Колян, – подтвердил парень, присматриваясь к собеседнику. – Мы знакомы? Прости, я что-то не помню...

– Меня Саней зовут, – сказал Сашок, протягивая правую руку для пожатия, а левой гостеприимно открывая заднюю дверцу. – Пару лет плотно контактировал с Аленой.

– Телевидение? – Колян сел в машину.

– Вроде того, – уклончиво ответил Сашок, поворачивая ключ в замке зажигания. – Тебя куда подвезти?

– Да я тут рядом живу, в двух шагах, – неуверенно сказал Колян. – Зачем подвозить? Две минуты ходу, вот только босиком идти неохота.

Сашок демонстративно посмотрел на часы:

– Домой, так рано? А может, прокатимся? Посидим у меня, пивка попьем, шары покатаем – я дома один, жена у тещи...

– У тебя дома бильярд? Настоящий?! – оживился Колян, разом забыв о потерянном шлепанце. – Ух ты! Круто! Тогда поехали, часок-то у меня есть!

Сашок затаенно усмехнулся, покосился в зеркальце заднего вида на довольную физиономию Коляна, предвкушающего редкое удовольствие, тронул машину с места и плавно вырлил на дорогу.

Отъезд Коляна не остался незамеченным: Ваня Сиротенко, подросток из дома напротив, отследил этот процесс и нашел его в высшей степени подозрительным. В самом-то деле, чего ради порядочному человеку на четвереньках подбираться к ожидающей его машине по водосточной канаве? Да еще поспешно уезжать куда-то в одном шлепанце?

Хмуро сведя брови, очевидец задавался вопросами. Нужно сказать, что свидетелем последнего происшествия Ваня стал вовсе не случайно. Дело в том, что личность Коляна давно уже была ему крайне интересна.

– Узнаешь? – Жорик слегка приглушил рев автомагнитолы, чтобы Ваня расслышал вопрос.

– Кого? – Влипнув лицом в тонированное стекло «семерки» Жориного папы, Ваня наблюдал за открытым балконом на втором этаже дома напротив. На балконе как раз появились две женщины.

– Ту, рыжую? Я ее по телевизору видел. Журналистка, ведет программу... как ее... не помню названия. – Поделившись ценной информацией, Жора снова врубил музыку на полную катушку. Машина затряслась, в домах поблизости завибрировали стены, Жора глотнул пива, затянулся самокруткой и застучал ладонями по рулю, вторя грохоту.

Ваня приспустил стекло в окошке, разглядывая рыжую на балконе и жадно глотая свежий воздух.

Хороший мальчик Ваня Сиротенко в свои пятнадцать лет не пил, не курил, не гулял с девицами, не ругался матом и мечтал совершить подвиг. Причем не какое-нибудь заурядное спасение утопающего, а такое героическое свершение, которое могла бы заметить и по достоинству оценить вся страна.

Стать народным героем Ваня мечтал не корысти ради, а в надежде обрести наконец в лице России полноценную Родину-мать. Дело в том, что хороший мальчик Ваня Сиротенко был чернокожим: по папиной линии его отчизной была африканская страна Гамбия.

Исконно русским именем Ваню наградила мама, дородная кубанская красавица Маруся Сиротенко, а экзотической наружностью – темпераментный африканский папа. Он прибыл на Кубань из стольного гамбийского града Банджула с целью обучения в Екатеринодарском военном училище в тысяча девятьсот восемьдесят шестом году, а уже в восемьдесят седьмом навсегда вписал свое имя в историю казачьего семейства Сиротенко. Точнее, не имя, а отчество: по паспорту Ваня звался Иваном Дадиевичем. Сокращенный вариант родового имени африканского папы звучал как «Дади Зимао-и-Лумма да Банда». Рассудительная Маруся предпочла остаться Сиротенко, понимая, что производным от фамилии Да Банда неизбежно станет прозвище «бандит» и не желая, чтобы подобное клеймо легло на все мирное семейство, включая будущих детей.

Тем не менее Дади Зимао и Маруся Сиротенко вступили в законный брак, так что лет до четырех какой-никакой папа у Вани был. Однако по окончании училища новоиспеченный военный специалист отбыл на историческую родину, откуда лишь время от времени в Екатеринодар приходили замусоленные конверты с гамбийскими марками. В конвертах были лаконичные письма, написанные по-русски, но с использованием букв как кириллического, так и латинского алфавита (чем дальше, тем больше преобладала латиница), яркие открытки с развесистыми пальмами и иностранные деньги – со временем у Маруси Сиротенко скопилось изрядное количество банкнот с портретом президента Джавары. К сожалению, екатеринодарские банки перманентно затруднялись с обменом гамбийских даласи на рубли.

– Вот вырастешь большой – и съездишь к папке своему в Африку, на дорогу-то денег хватит, – говорила Маруся Сиротенко, жалостливо глядя сына по кудрявой голове.

Казачонок африканских кровей, Ваня рос смышленным мальчиком. К шести годам он выучился читать и горько плакал над книжкой Корнея Чуковского, настойчиво отговаривавшего детей ходить гулять в Африку, где живут гориллы и злые крокодилы. Объективную оценку Черного континента Ваня надеялся получить в школе, занятия в которой наивно представлял себе такими, как на одной из присланных папой фотографий, где по улицам Банджула колонной двигались местные школьники, держа в руках учебные пособия – деревянное изображение птиц или рыб на палочках. С маминых слов Ваня знал, что в гамбийской школе всего

три предмета: английский язык, сельское хозяйство и наука. Ему казалось, что этого достаточно.

В семь лет Ваня пошел в екатеринодарскую среднюю школу номер шесть и вскоре узнал, что усваивать придется куда больший объем знаний, чем предполагалось. Так, уже в первый день занятий он открыл для себя такое явление, как расовая дискриминация: бледнолицые одноклассники раз и навсегда окрестили его Арапкой.

В том же году Ваня перенес второй удар – правда, его с ним разделила и далекая африканская страна. 22 июля 1994 года в Гамбии произошел военный переворот, доктор Джавара, являвшийся бессменным президентом страны с 1965 года, когда она получила независимость, бежал в неизвестном направлении, а не остывшее еще президентское кресло занял его бывший телохранитель капитан Джамлех. Переворот был бескровным, но на экономике Гамбии и жизни семьи Сиротенко отразился самым катастрофическим образом. Западные страны отказались принять диктаторский режим, поток туристов оскудел, и тысячи гамбийцев остались без работы, а Ваня Сиротенко без папы, бесследно сгинувшего в этой кутерьме. Гамбийские власти вынуждены были ввести военное положение и с ним – ограничения на рубку дров и лимит на пальмовые листья для кровель, а Маруся Сиротенко в сердцах сожгла конверты с гамбийскими марками и наложила вето на упоминание имени Дади Зимао.

Годам к десяти Ваня со всей определенностью понял, что жить он будет в России – свой среди чужих, чужой среди своих. С этого момента мысли о гражданском подвиге как способе приобщения к российской национальной идее его не оставляли.

Ванина старшая сестра Лиза, двадцатилетняя красотка знойной латиноамериканской наружности (Лизиним папой был курсант из Уругвая, легкомысленно не ставший связывать себя узами брака с Марусей Сиротенко), отсоветовала Ване проявлять отвагу при пожаре, резонно рассудив, что следы сажи и копоти на Ваниной темной физиономии будут совершенно неразличимы, и, стало быть, он не заинтересует фотокорреспондентов и телерепортеров, без чего хорошей рекламы никакому подвигу не сделать.

– Знаешь, а хорошо бы тебе шпиона поймать, – в порыве вдохновения произнесла Лиза фразу, определившую интересы Вани Сиротенко на многие годы. – Матерого такого вражеского шпиона... И лучше всего, конечно, не какого попало, а африканского!

Гамбийские шпионы в окрестностях Екатеринодара до сих пор не попадались, но Ваня принял идею обнаружения тайного врага, не заморачиваясь его национальной принадлежностью. Долгое время никого мало-мальски подходящего на эту роль на Ванином жизненном пути не встречалось, пока однажды бдительный мальчик не обратил внимание на нового жильца одной из квартир в доме напротив. Высоченный длинноволосый парень то и дело получал на Главпочтамте разной величины и формы бандероли с иностранными марками и надписями на чужом языке. Ваня прозондировал почву и от соседки тети Саши, рэповской паспортистки, узнал, что подозрительный парень даже не является гражданином России: паспорт у него украинский, прописан он в Киеве, в Екатеринодаре только регистрацию получил!

Ваня почувствовал, что напал на след. Он покопал еще и выяснил, что объект разработки трудится сетевым программистом на научно-производственном предприятии, поставляющем телеметрические системы контроля и управления предприятиям РАО ЕЭС. Ага, решил Ваня, РАО ЕЭС! Это же нефте-, газо- и керосинопроводы! Есть где развернуться диверсанту! Это во-первых. А во-вторых, ясно же, что сеть ИНТЕРНЕТ – идеальный способ передавать куда надо (точнее, куда не надо!) секретную информацию!

По значимости украинский шпион, конечно, был не чета гамбийскому – все-таки родственник-славянин, но юный контрразведчик эпохи дружбы народов не застал, зато знал о стремлении современной Украины в НАТО. Стало быть, можно было с большой долей вероятности предположить, что рукой Киева дистанционно управляют из Вашингтона.

И вот последний кусочек мозаики, сам того не ведая, поставил на место лоботряс Жорик, от которого Ваня узнал, что жена шпиона не кто-нибудь, а журналистка на телевидении. Стало быть, сбор информации у них организован профессионально.

– Затянуться хочешь, брат? – Жора протянул Ване сладко пахнущую самокрутку с травкой.

Ваня жестом отказался, поморщившись: общение с плохим мальчиком Жорой особого удовольствия ему не доставляло, но зато приносило некоторую пользу. Жора мог без спросу брать из гаража папин легковой автомобиль, а припаркованная у дома шпиона машина была неплохим наблюдательным пунктом. В свою очередь Жора в компании Вани бесплатно проходил на зажигательные дискотеки, устраиваемые африканскими землячествами студентов меакадемии и госуниверситета.

Неожиданно в стекло двери со стороны водителя настойчиво постучался полосатый жезл.

– Жорик, открой! Милиция! – Ваня сильно потряс медитирующего приятеля за плечо.

– А? – Жорик открыл глаза, перестал раскачиваться на сиденье в такт музыке и опустил стекло.

В салон заглянул молодой быстроглазый парень в форме инспектора ГИБДД.

– Документики попрошу!

Понимающе ухмыльнувшись, Жорик полез в карман и протянул патрульному сотенную купюру.

– Иностранцы, что ли? – остро прищурившись на чернокожего Ваню, по-свойски спросил гибэдэдэшник. – Тогда конвертировать надо бы документики! Как насчет баксов?

– Мы свои, – раздраженно отозвался Ваня. – Русские, православные! Хочешь, «Отче наш» прочитаю?

– Лучше: «Молилась ли ты на ночь, Дездемона?» – хмыкнув, произнес эрудированный патрульный, забирая у Жорика сотенную бумажку.

– Жорик, ты посиди пока, а я домой сбегая, – провояжая взглядом удаляющегося мента, попросил Ваня приятеля. – Мне позвонить надо.

Он вынул из кармана бумажку с наспех записанным номером автомобиля, умчавшего в голубую даль босоногого Коляна, выбрался из машины и углубился во двор.

– Отпусти кота, – без выражения сказала я. – Знать бы, чего им от нас надо? И кому – им? Вот уж не думала, что кто-нибудь сумеет увести у меня мужа!

– Положи нож, – опасливо взглянув на меня, сказала Ирка. – Не психуй. Если вскоре сам не появится, будем искать.

– Похоже, это война, – мрачно сказала я, тупо глядя во мрак кухни, где так и не вкрутили новую лампочку взамен разбитой.

– С кем? – поинтересовалась Ирка.

– С невидимым противником, который рано или поздно себя обнаружит. Так всегда бывает.

В подтверждение сказанного тотчас же в потемках загорелись два зеленых огонька: обнаружил себя Тоха.

– Нож-то положи, – напомнила подруга. – Значит, так: объявляется всеобщая эвакуация!

– Ага, эвакуация, – буркнула я, зажигая свечу. Огонек пламени заметно колебался: под нашими окнами опять стояла машина какого-то придурка, использующего автомобиль как радиотранслятор. Низкие частоты сотрясали дом до основания. Нашествие мышей и сусликов району не грозило. – Куда мне эвакуироваться?

– Как – куда? – удивилась Ирка. – Ко мне, конечно же! Тем более что передовой отряд в лице твоей собаки уже квартирует у меня.

При мысли о скорой встрече с любимым псом на душе у меня немного потеплело. Надо сказать, обычно мы с Томкой видимся только по выходным, и я всякий раз чувствую себя нерадивым родителем, бессовестно уклонившимся от воспитания ребенка. Бедняга Томка больше всех пострадал от нашего с бывшеньким развода.

– Тоха! Едем к Томке! – сообщила я коту.

– Не ори, – поморщилась Ирка. – Пусть это будет наша военная тайна. Быстренько собери вещи, свет не зажигай, запри дверь и потихоньку выходи во двор. Я подожду в машине.

– Может, на всякий случай оставить Коляну записку? – Я судорожно металась по комнате, как попало запихивая в сумку одежду и поминутно наталкиваясь на вездесущего кота.

Ирка задумалась.

– Можно, – решила она. – Только не простую, а зашифрованную, чтобы посторонние не смогли понять. Типа «Юстас – Алексу».

Пожав плечами, я нашла листок бумаги и карандаш и быстро написала: «Коля, мы с малышом ушли к тете Ире».

– И к дяде Тому, – подсказала Ирка, заглядывающая в записку поверх моего плеча.

«И к дяде Тому», – послушно приписала я.

– Как ты думаешь, Колян сообразит, что «малыш» – это Тоха?

– Мельче кота у вас только тараканы, – заметила подруга, вынося за порог сумку с моими вещами.

– Не придумывай, пожалуйста, нет у нас никаких тараканов, – обиделась я. – Старых Тоха всех переловил, а новые уже и не заводятся, им у нас кормиться нечем.

– Вот именно, что нечем! – раздраженно обронила Ирка, топчась на пороге. – Есть хочется страшно! Вы мне тут ужин обещали, а сами опять какое-то шоу устроили...

Виновато вздохнув, я изловила кота, закатала его в пончо, прижала сверток рукой к груди, как спеленатого младенца, закрыла входную дверь на ключ и пошла за подругой к машине.

Американский гражданин Джереми Смит аккуратно припарковал взятый напрокат автомобиль «Нива» под самыми окнами жилой трехэтажки, открыл лежащий на соседнем сиденье чемоданчик и осторожно достал из него аппарат для дистанционного прослушивания помещений.

Самую сложную и по-настоящему секретную часть прибора составлял миниатюрный транслятор-переводчик, разработанный группой засекреченных Пентагоном ученых.

Тончайший лазерный луч уперся в темное стекло нужной квартиры. Смит поправил наушники, отладил настройку, прислушался: ни звука. Никого нет дома, понял он. Джереми, правда, и не собирался подслушивать хозяев квартиры – нет, кое-кого другого.

С другой стороны, кто же будет открывать рот, оставшись в одиночестве? Сами с собой беседуют только шизофреники.

Подумав, Джереми сложил хитрый приборчик в чемоданчик, закрыл его на кодовый замок, и как раз в этот момент в окошко постучали.

– Слышь, Серега, клиенты обнаглели, прямо под окнами парковку устроили! – с намеком сказал напарнику сержант Тарасов, притормаживая у дома номер пять по улице Гагарина. – Часу не прошло, как ты тут «жигуля» подоил, и вот тебе еще «Нива»!

– Хлебное место, – согласился младший товарищ сержанта.

Не дожидаясь приказа, он вылез из патрульки. Тарасов одобрительно кивнул.

Вразвалочку, похлопывая полосатым жезлом по раскрытой ладони, Серега проследовал к припаркованному под окнами автомобилю, побарабанил жезлом в стекло, привычно затянул «Попрошу документики...», глянул на водителя и неподдельно удивился:

– Никак еще один Отелло?!

Смекнув, что он нарушил какие-то правила, темнокожий Джереми Смит виновато улыбнулся представителю власти и торопливо полез в карман за бумажником.

– Хлеб наш насущный даждь нам днесь, – одобрительно произнес Серега. – О! Баксы! Вэлкам ту Раша!

Весело насвистывая, он вернулся к патрульке, занял свое место, дисциплинированно передал купюру старшему и сказал:

– Слышь, Петро? Надо сюда почаще наведываться! Не знаю, в чем фишка, но тут явно какая-то негритянская тусовка!

Довольно урча мотором, патрулька неторопливо уплыла за угол. Минутой позже в том же направлении медленно отъехал автомобиль со Смитом за рулем. Джереми решил повторно засесть на подступах к дому через некоторое время – например, завтра.

Информация, поначалу бывшая совершенно секретной, расходилась, как бензиновое пятно по воде: теряя четкость и приобретая новые краски.

Первым из россиян о завидном кошачьем наследстве узнал Петруша Быков, которого просветили американские организаторы проекта. Люся Панчукова оказалась в числе причастных к тайне благодаря тому, что много лет возглавляла городской Клуб любителей кошек, в архивы которого поступил соответствующий запрос. Александр Акимович Чернобрюх в пору приобретения котенка Клавдия являлся законным мужем Елены Логуновой, и в талмудах заводчика, продавшего супругам котенка, остались его телефоны. Правда, адрес господин Чернобрюх давно сменил, но номер его служебного телефона не изменился, так что агенты, разыскивающие котенка, пообщались и с Сашком.

Одним из тех, кто узнал о существовании наследного кота еще в процессе его поисков, оказался и пенсионер Галочкин, купивший квартиру, в которой во времена покупки четвероногого друга проживала его хозяйка с супругом.

Благообразный старец Никанор Васильевич Галочкин славился на весь многоквартирный дом беспримерной аккуратностью и отменной вежливостью. Соседки по этажу и заклятые подруги, одинокие пенсионерки Дарья Тимофеевна и Виктория Марковна, проживающие соответственно в приватизированных двух- и трехкомнатных квартирах справа и слева от Галочкина, отзывались о Никаноре Васильевиче в самых лестных выражениях, что было совершенно не характерно для заядлых сплетниц.

Всегда чистенький, опрятный Галочкин никогда никому не хамил, не перечил и не делал нравоучительных замечаний даже невоспитанному подростку Ваське с четвертого этажа, день напролет глушившему соседей музыкой в стиле хеви-метал.

Однако душка Галочкин был далеко не так мил и прост, как казался. Разыскивавшим кошачью хозяйку он ни слова не сказал о том, что располагает абсолютно достоверными сведениями о ее местонахождении: известно, что барышня работает на телевидении, ведет прямые эфиры, чего проще – позвонить на студию? А Никанор Васильевич приберег эту ценную информацию для личного пользования.

У пенсионера Галочкина было хобби. С раннего детства и до благополучной старости Никанор Васильевич очень любил извлекать из всего и всех материальную выгоду и старался делать это постоянно. Редкое сочетание экономности и предприимчивости позволило гражданину Галочкину к шестидесяти пяти годам сколотить капитал, о котором мог бы только мечтать средней руки банкир, проживающий в хоромах с джакузи на каждом этаже, одевающийся в Париже и раскатывающийся на новом «Порше». Меж тем пенсионер тихо жил в скромной однокомнатной «хрущобе» с совмещенным санузелом, экономно покупал себе на оптовом рынке синтетические китайские носки и собственноручно стирал их в раковине простым хозяйственным мылом. Ничего общего с банкирами Никанор Васильевич иметь категорически не желал,

в частности, он никогда не доверял ни одному банку своих денег, мудро храня их в своем собственном жилище в подходящих по размеру емкостях. В последние годы роль личного сейфа выполнял водруженный на антресоли нелепый глиняный горшок с ручками.

Более того, мудрости Галочкина хватило и на то, чтобы не доверять казначейским билетам, облигациям выигрышного займа и прочим гознаковским бумажкам, благодаря чему ни одна из случившихся на веку Никанора Васильевича денежных реформ, ни единый обвал рубля не нанесли ему финансового ущерба. В горшке на антресолях, постепенно умножаясь, лежали золотые кружочки николаевских червонцев, время от времени под большим секретом приобретаемые Галочкиным у знакомого нумизмата, официально работающего скромным школьным учителем истории.

Предприимчивость Никанора Васильевича обычно имела не вполне законный характер, но осталась не замеченной органами отчасти по причине его безупречной репутации, отчасти потому, что мил человек Галочкин умел не только маскироваться, но и заметать следы своих неблагоприятных деяний, при необходимости очень ловко «переводя стрелки» на кого-нибудь другого старым проверенным способом, а именно анонимным телефонным звонком все в те же органы.

Соседки Дарья Тимофеевна и Виктория Марковна никогда бы в это не поверили, но любезнейший Никанор Васильевич был крайне обидчив и злопамятен. Получив от владельцев наследного кота категорический отказ на любезное предложение выкупить тотемное животное за весьма значительную (хотя и совершенно мизерную в сравнении с возможной прибылью) сумму, раздосадованный Галочкин поступил по широко известному принципу «ни себе, ни людям». После некоторого раздумья он позвонил в Контору, чтобы туманно, но значительно сообщить «о факте махинаций с экзотическим животным». Продиктовав невозмутимой личности на другом конце провода адрес кошачьей хозяйки, злобный старичок потер руки и пошел к соседке Виктории Марковне пить чай с домашним тортом. Совесть его не мучила, и кусок бисквита с жирным кремом в горле не застрял.

– Ви есть придурок, Петруша, – безапелляционно заявил вернувшийся с дежурства у дома по улице Гагарина Смит Петру Петровичу Быкову.

По американской привычке он забросил ноги в блестящих ботинках на блестящий же полированный стол.

Петруша едва заметно поморщился, аккуратно вытянул из-под дорогого ботинка Смита прозрачную пластиковую папочку с бумагами, глянул на заглавное слово «Завещание», вздохнул и уныло уронил папочку на пол.

– Польный придурок, – добавил Смит, подхватывая папочку с ковролина и обвиняюще потрясая ею перед лицом Петруши.

– Говорите потише, пожалуйста, – досадливо попросил Петр Петрович, оглядываясь на тяжелую дубовую дверь кабинета.

Недостаточно хорошо вышколенная девица-секретарша могла войти без предупреждения. Объясняй ей потом, почему замдиректора вольно раскинулся в кресле своего начальника, пока тот понуро принимает от подчиненного нагоняй! Конечно, рабочий день уже давно закончился, можно развязать галстуки, но не до такой же степени!

– Говорили бы по-английски, – предложил Петруша Смицу. – И вам привычнее, и мне приятнее: никто не поймет.

– Кто поймет, – не согласился Смит. – Кто наверняка понял, что ви есть придурок. Фуй, как глупо: задавляйт, похищайт! Или у вас нет долларз?

– Есть у меня доллары, – Петр Петрович вынул из кармана бумажник. – Вот, три сотни, собирался девчонкам аванс выдать.

– Девчонки будут ждать, – заявил Смит. – А вы будете делать покупка.

– А что еще покупать-то? – Петруша недоуменно огляделся: в кабинете директора американо-российского благотворительного фонда «Авось» было все необходимое для планирования грядущих гуманитарных акций: компьютер, удобная и стильная офисная мебель, кожаный мягкий «уголок», шкаф с одеждой и бар с напитками. Вот только еды в баре не было, о чем Петруша сейчас очень жалел: нервничая, он всегда хотел кушать.

– Как что? Конь в пальто! – почти без акцента произнес Смит. – Живой или мертвый!

– Мертвый-то он вам зачем? – поморщился Петр Петрович и пошарил в кармане, проверяя, не завалилось ли там что-нибудь съестное.

Смит спустил ноги со стола, вытянул указательный палец, приблизил его к лицу Петруши и погрозил:

– Вам знать не надо!

Петр Петрович тихо выругался в сторону. Со Смитом, конечно, ссориться нельзя, если бы не его ведомство, деньгами сумасшедшей американской тетки распорядился бы не фонд «Авось», то есть лично Петруша Быков, а кто-нибудь другой. Наверняка в благословенной Америке нашелся бы не один нищий эмигрант из России, «жаждущий» помочь несчастным сородичам за счет чужого богатого дяди!

Когда Петру Петровичу предложили выполнить на его исторической родине, в России, деликатную миссию для одной из тех могущественных структур, к которым законопослушные американцы питают опасливое уважение, выбор у него был небольшой: либо он соглашается, либо ведомство мистера Смита прикрывает его частную лавочку и до конца жизни определяет Петруше карьеру посудомойщика в захолустной забегаловке. А Быков только-только нашел в Штатах свою экологическую нишу, небезуспешно занявшись международным усыновлением! Благотворительный фонд «Авось» покупал сироткам в российских детских домах одежду, игрушки, продукты питания, а кое-кому из детишек даже помогал обрести папу и маму за рубежом. Петруше очень нравилась эта работа: бездетные американские пары получали желанных деток, несчастные крошки – любящих родителей, сиротские приюты – финансовую поддержку, а сам Петруша – гонорары за посредничество и чувство глубокого морального удовлетворения. Благорасположение американских властей в этой ситуации следовало ценить, стало быть, ответить отказом на предложение мистера Смита и Компании Петруша никак не мог.

Разумеется, он согласился, более того: очень скоро извлек из сложившейся ситуации реальную выгоду. Кругленькая сумма, завещанная скоропостижно скончавшейся американской богачкой неизвестному русскому коту, поступила в распоряжение благотворительного фонда «Авось».

Правда, Петруша никак не рассчитывал, что кота-наследника действительно удастся найти. По условиям завещания зверь должен был быть прямым потомком любимого кота чокнутой бабы, а тот изволил вступить в законную, то есть документально подтвержденную заводчиком, связь с кошкой только однажды, в далеком тысяча девятьсот восьмидесятом году, и за два десятка лет четвероногие плоды этого союза расплозились по всему миру, в свою очередь продолжая размножаться. Петруше казалось, что количество претендентов на наследство должно быть просто астрономическим. Оказалось, нет: законных потомков было раз-два и обчелся!

Принимая предложение мистера Смита и деньги котолобивой американки, Петруша был уверен в том, что поиски четвероногого наследника затянутся как минимум на пару лет, а там, глядишь, либо осел сдохнет, либо падишах умрет... Однако соответствующие американские службы провели гигантскую работу по выявлению кота-наследника в сжатые сроки. На его поиски ушло полгода, а за это время Петруша Быков успел втихаря растратить большую часть кошачьих денег. Честно говоря, назначенную завещателем наследнику пожизненную пенсию выплачивать было уже не из чего. А подходящий кот, как выяснилось, реально суще-

ствовал, более того, был достаточно молод, огорчительно здоров и обещал прожить еще много лет! Что еще хуже, как-то некстати выяснилось, что в случае его смерти фонд «Авось» должен передать основной капитал Университету Беркли для учреждения премии имени ненормальной бабы. Другими словами, при жизни проклятый кот становился для Петруши непосильным финансовым бременем, но его смерть влекла за собой полный крах!

Убивать кошачью хозяйку Петруша, конечно, не собирался. Ну, разве что в самом крайнем случае. Запасть ее завещанием он хотел в основном для того, чтобы подстраховаться: вдруг барышня сама по себе невзначай помрет, хорошо бы на этот случай иметь документ, по которому проклятый кот – все остальное имущество кошачьей мадам Петрушу не интересовало – достанется ему, Петру Петровичу Быкову. Тогда можно было бы историю с наследством потихоньку спустить на тормозах и перестать жить словно на пороховой бочке в ожидании взрыва.

Петр Петрович попал в ловушку, выбираться из которой должен был в одиночку: у господина Смита со товарищи в этой истории был свой интерес.

Петруша со вздохом поднялся из кресла, вышел в приемную, взмахом руки дал команду «вольно» встрепенувшейся для порядка секретарше и набрал телефонный номер продовольственного магазина, в котором подрабатывал грузчиком хозяин той конспиративной квартиры, которую Быков снял перед похищением кошачьей хозяйки. Что и говорить, затея оказалась несусветной глупостью, ничего путного из нее не вышло, зато Петр Петрович свел знакомство с Вованом. Оценив его жадность и беспринципность, Быков подумал, что этот кадр может ему пригодиться для разных темных делишек, буде в них возникнет необходимость.

– Это Владимир? Здравствуйте, – сказал он, дождавшись, пока к трубке позовут нужного человека. – Петр Петрович вас беспокоит. Мы можем встретиться?

Поговорив еще минуту, он положил трубку, криво улыбнулся секретарше, бесцеремонно высвободил из ее наманикюренных пальчиков шоколадный батончик и захрустел им, чувствуя, как с каждой новой проглоченной крошкой шоколада ему легче и физически, и морально.

– А вот мы сейчас желтого от борта в лузу! – торжественно провозгласил Колян, потрясая кием, как копьем.

Играть в бильярд он учился на компьютере, но выяснилось, что реальная игра от виртуальной сильно отличается, будучи и сложнее, и увлекательнее. Азартный Колян совершенно потерял чувство времени, напрочь забыв и о том, что исчез из дома без предупреждения.

– Какого – желтого? – Утомленный Саша удивленно посмотрел сначала на шары, потом на Коляна. – Они же все белые!

Александр Акимович Чернобрюх тоже не был знатным мастером шара и кия. Бильярдный стол в подвальном зале собственного особняка он поставил для престижа, но, будучи человеком практичным, считал необходимым хоть изредка дорогостоящее оборудование эксплуатировать.

– Все белые? Тогда бей белых! – послушно сменил девиз Колян.

Он осторожно установил кий на растопыренной левой кисти. Саша вздохнул: на каждый удар у Коляна уходило около пяти минут. Сашок, в отличие от Коляна, полностью отдавал себе отчет в том, что время – деньги. Именно деньги были его побудительным мотивом.

– Слушай, нельзя ли побыстрее?

– Скоро, друг мой Александр, только что делается? – Прищурился один глаз, Колян тщательно выверял горизонталь. Теплый свитер он снял, трикотажная футболка обрисовывала мускулистые руки и плечи. – Скоро, друг мой Саня, только кролики родятся!

Александр Акимович поморщился: другом Коляну он не был и быть не мог, а созерцание его красивого торса заставляло самолюбивого Сашка комплексовать. К своим тридцати

пяти годам ранее худошавый Сашок приобрел только одну рельефную выпуклость – в районе живота.

– А кролики – это что? – продолжал вещать Колян, невыносимо медленно отводя назад руку с кием, как поршень шприца. – Кролики – это не только ценный мех!

С этими словами он стремительно двинул кий вперед, толкнул бильярдный шар, и тот пушечным ядром врезался в борт сантиметрах в десяти от другого шара. Раздался грохот, наводящий на мысль о громовых раскатах. Сашок с болью в сердце посмотрел на дорогущий стол, которому, похоже, всерьез грозило разрушение.

– Ну надо же! Совсем чуть-чуть промазал! – огорчился Колян.

– Ты вот что, – решил Александр Акимович. – Ты потренируйся один, ладно? А я пока за пивом сгоняю.

– Пиво должно быть правильным, – согласно кивнул Колян, мягким индейским шагом обходя стол. Взгляд с прищуром не отрывался от соблазнительного шара у самой лузы.

– Ну, я пошел. – Саша тихо прислонил тяжелый, покрытый вишневым лаком кий к отделанной диким камнем стене и поспешно вышел из бильярдной.

Вдгонку ему снова раскатисто загрохотало. Александр Акимович под шумок тихонько повернул ключ в замке, запирая Коляна в бильярдной, и сразу метнулся в гараж, расположенный в соседнем подвальном помещении. Не теряя времени, он вывел машину на дорогу у дома – мотор «Вольво» работал почти бесшумно, вышел из авто, запер въездные ворота, вернулся за руль и быстро поехал по проселку в сторону города. Уже на въезде в Пионерский микрорайон он посмотрел на часы, машинально засекая время: внутреннее чувство вкупе с жизненным опытом подсказывали Александру Акимовичу, что поиски исправного таксофона могут затянуться.

Так и вышло, большинство телефонных автоматов в открытых всем ветрам и хулиганам уличных кабинках было разукомплектовано: то нет диска, то отрезана трубка. Александр Акимович начал нервничать. Звонить из дома, с личного сотового или с работы он не мог, потому что мобильный абонента определил бы исходящий номер, а Александру Акимовичу было очень важно остаться неузнанным. На карту была поставлена чертовски большая сумма – причем в американских долларах.

– Томка! – Я широко раскрыла объятия, и пес с радостным лаем бросился ко мне. – Ах ты, морда! Соскучился?

Собаченция шумно лизнула меня в ухо.

– Как сто лет не виделись, – заметила Ирка, закрывая ворота. – Кота забрала бы, а? Насвинычит еще в машине!

– Накошачит, – поправила ее я, но оторвала от себя Томку, повернулась к машине и открыла заднюю дверцу.

Замотанный в пончо, Тоха энергично выпутывался, я помогла ему и сказала:

– Тохин, смотри, кто тут у нас!

Том, оживленно сопя, протиснулся к дверце, увидел взъерошенного кота и отпрянул. Тоха выгнул спину, зашипел, как индийская кобра, и замахнулся когтистой лапой.

– Встреча старых друзей прошла в теплой, дружественной обстановке, – саркастически прокомментировала Ирка.

Том, поджав хвост, проворно метнулся за угол, Тоха, чуть помедлив, выскочил из машины, сделал несколько шагов вдгонку за отступающим псом и остановился у крыльца, яростно хлеща себя по бокам пушистым хвостом. Теплый весенний ветер ерошил меховые галифе на его задних лапах, кот шурился и грозно разевал розовую треугольную пасть. Томка выглянул из-за угла, скосил глаза, примирительно повилял хвостом и сделал коту забавный собачий реверанс, присев на передние лапы.

– Это он играть хочет, – заметила я. – Ирка! Признавайся, ты с ним бегаешь или нет?

– Да что я, марафонец? – буркнула подруга, открывая входную дверь. – Тащи кота, вещи я сама занесу. С твоей псиной бегать – исхудаешь ну-ка, по шесть километров в день! А у меня каждый килограммчик на счету, сама знаешь, мой Моржик объемы уважает!

– Зараза ты все-таки, – не в первый раз посетовала я. – Ну что тебе какой-то килограммчик? Одним кило больше, одним меньше, какая разница? От твоего центнера не убудет!

– Завидуешь! – крикнула Ирка из глубины обширной прихожей.

– Вовсе нет, у моего-то любимого совсем другие критерии женской красоты. А с такой собакой, чтоб ты знала, нужно бегать не по шесть, а по восемь километров в день!

– Чудесно, вот ты сама и беги. – Ирка вернулась на крыльцо с кожаным поводком в руках. Томка радостно запрыгал.

– Только пробежки мне сейчас и не хватает, – вздохнула я. – Ладно уж, пойдем гулять. Нет, Тоха, ты останешься дома!

Мягко отпихнув кота, я пропустила вперед собаку, вышла сама, притворила за нами калитку и побежала по проселку вдогонку за улепетывающим псом. Совсем как в старые добрые времена!

Черно-рыжая собака растворилась в ночи, как сахар в кипятке. Хоть бы гавкнул, паршивец!

– Дежавю, – буркнула я, потерянно озираясь.

На зрение в условиях плохой видимости надежды было мало, и я прислушалась: где-то справа в некотором отдалении послышались голоса – и собачьи, и человеческие.

Спотыкаясь в потемках, я с рекордной скоростью пробежала стометровку и буквально влетела в круг рассеянного желтого света под одиноким фонарем на углу улицы. И с разбегу врезалась прямо в группу граждан, состоящую из толстого папы, толстой мамы, пары упитанных детишек и крупной мохнатой собаки, сидящей на траве с самым обалделым видом.

– Здрате, – слегка задыхаясь, приветливо поздоровалась я, по понятным причинам сразу сворачивая на собачью тему. – Красивый у вас пес! Это московская сторожевая?

– Хреновая это сторожевая, – невежливо буркнул в ответ похожий на сумоиста отец семейства, неласково подпихивая лохматый собачий зад тупым носком ботинка.

Обуреваемая недобрыми предчувствиями, я поспешно обернулась, легко проследила направление стеклянного взгляда московской сторожевой и виновато охнула:

– Томка! Отойди от миски!

Не отрываясь от посуды и явно не собираясь этого делать, пес дружелюбно помахал мне хвостом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.